

Л. В. Роджерс

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ОККУЛЬТИСТАМ

(Чикаго, 1919 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Растущий интерес к высшей жизни и всеобщий поиск сведений, которые помогли бы в её достижении — достаточная причина для публикации этой маленькой книжки. Её целью было не изложить предмет исчерпывающе или систематически, а лишь дать советы, которые помогут облегчить некоторые шаги саморазвития.

Многие искренне стремящиеся вырваться из плена низшей природы и подняться к духовному просветлению находятся в замешательстве, не зная, как действовать, или даже как практически применить к повседневной жизни те оккультные сведения, которые можно приобрести из чтения. Эта книжка является попыткой им помочь — намекнуть, как использовать время и энергию, и дать немногочисленные указатели на сомнительных поворотах пути, проходящего по эволюционной целине, отмечающие тот маршрут, у которого больше преимуществ, и установить предупреждающие знаки возле некоторых привлекательных объездов, ведущих в опасные места.

ВСТУПЛЕНИЕ

Начинающий оккультист — т. е. тот, кто только что стал понимать, что жизнь имеет смысл более глубокий, нежели он думал, тот кто только недавно натолкнулся на теософическое объяснение цели жизни и развития человеческой эволюции, часто воображает, что существуют специальные сведения, и что если бы только ему удалось узнать их, то он быстро бы получил дар ясновидения и обладание великими духовными силами. У него получается такое впечатление, что где-то существуют определенные формулы, которые учителя могут передать ему, если они этого захотят, и которые служат ключами к сокровищнице оккультных знаний. Если начинающий хочет действительно иметь быстрый успех и развитие скрытых в нем божественных сил, то он должен отбросить все такие представления и раз навсегда запомнить, что всё, что может сделать для него учитель — это указать ему путь, как работать, и что знание этого пути придет к нему как раз настолько, насколько серьезным будет его желание искать этого пути. Начинать должен помнить также, что существуют определенные правила, которые нужно исполнять, и определенное знание, которое нужно приобрести. Для него будет делом особой важности изучать литературу по оккультизму, читать и узнавать всё, что можно от более знающих, однако требуется и еще кое-что. По мере того, как ему будут открываться духовные истины, он должен будет стремиться жить согласно с ними, строить согласно им свою будничную повседневную жизнь. Воистину счастлив тот, кто может соразмерять свои личные обстоятельства со своим внутренним духовным развитием. Открыть духовную истину и не использовать ее затем для развития своего духовного “Я” столь же плохо, если даже не хуже, как и вовсе не знать ее, ибо с имеющего много многое и взыщется.

Вообразить, что кто-то может предоставить начинающему немедленное обладание духовными силами, настолько же ошибочно, насколько ошибочно было бы вообразить, что ректор университета может сразу дать университетское образование только что поступившему студенту, если вручит ему диплом об окончании курса. Эта идея, что в расположении теософии имеются оккультные сокровища для раздачи их оптом — для подарков, а не для зарабатывания их, — обычно сопровождается желанием отличиться чем-нибудь, скорее схватиться за работу и получить от этого благодать, по крайней мере равную своему драматическому порыву; сопричислиться к сонму невидимых помощников и получить способность работать в своем астральном теле, пока физическое тело спит. Это похвальное стремление и достойная цель. Однако здесь следует понять, что путь к этому лежит через действительное духовное развитие, а не через немедленное раскрытие астрального зрения. Первый шаг к тому, чтобы сделаться невидимым помощником — это стать помощником видимым, культивируя желание оказывать помощь, давая нашим добрым побуждениям изливаться на окружающих. Только когда мы сумеем действительно стать полезными на физическом плане, когда мы сумеем использовать случаи, предоставляемые нам нашей обычной, будничной жизнью для помощи другим, и тем докажем, что наше главное желание — это приносить пользу, а не просто только желание заполучить обладание оккультными силами, мы сделаем первый необходимый шаг к осуществлению нашей цели.

Если начинающий стремится знать, насколько быстро продвигается он в духовном развитии, то пусть он только понаблюдает за своею повседневною жизнью. Первая его забота будет — приобрести власть над физическим телом и заставить его повиноваться своей воле. Поэтому, если он видит, что стал менее раздражителен, что мелочи жизни теряют свою силу над ним, меньше причиняют ему досаду, что его теперь не так легко заставить утратить спокойствие, как ранее, то пусть он знает, что его воля укрепляет свою силу в управлении физическим и астральным механизмами, через посредство коих она себя проявляет. Нужно больше обращать внимание скорее на мелкие вещи, нежели на чрезвычайные случаи, как на пробные камни для испытания новой развиваемой в ученике силы. Вопрос о том, сможет ли он в дальнейшей своей эволюции пройти во врата храма, куда он направил теперь первые свои неуверенные шаги, решается не одним экстраординарным событием, вроде вступительного экзамена в университет, а мыслями и желаниями его будничной жизни. И именно на мелочах, на маленьких задачах этой будничной жизни производится ежечасно испытание правильности его суждений, его искренности, его храбрости и терпения. Если он не добьется успеха в этом, то ему нечего и надеяться, чтобы сделаться хотя бы кандидатом на более крупные испытания его сил.

Есть много путей, по которым приступающий к изучению оккультизма может начать развивать в себе те свойства характера, которыми он должен обладать прежде, чем ему удастся продвинуться вперед в усилиях своих к сознательной эволюции. Он может совершить сотни поступков, направленных к созданию характера, которые послужат прочным фундаментом для будущей его духовной мощи. И необходимо хорошенько усвоить себе, что такая работа, совершенная в самом начале, избавит его от массы трудностей и принесет ему впоследствии громадное удовлетворение. Воистину сторицею воздастся ему за труды его.

И тот, кто строит прекрасное здание на слабом и плохо сложенном фундаменте, несколько не глупее того, кто допускает небрежность в работе при закладке фундамента собственного своего нерукотворного храма. Каждая ошибка, допущенная в кладке фундамента, есть угроза всей будущности; и не потому ли как раз и должно быть испытание столь постоянным и столь длительным. Непрестанные выпадающие на нашу долю испытания, которые иногда кажутся нам задерживающими дальнейший ход вперед,

должны также приветствоваться нами, как звон контрольного молотка на вагонных колесах перед отправлением нашего поезда со станции, как проверка по отвесу и наугольнику в строительном деле.

САМОКОНТРОЛЬ

Прекрасная вещь для начинающего изучать теософию, который впервые приступает в свете её к исканию пути, ведущего вперед, — это задать себе вопрос, каких именно черт характера ему недостает, а затем серьезно взяться за приобретение их. Обычно не составляет большого труда найти какие-либо слабые стороны. Обладаете ли вы здоровым духовным мужеством? Не бывает ли так, что вы боитесь высказать вслух ваше мнение, хотя вы и знали, что его следовало бы выразить, но что оно не понравится? Выступаете ли вы на защиту истины, как таковая вам кажется, или же вы прячетесь в молчание, хотя и чувствуете, что нужно бы высказаться? Нравственным мужеством обладать необходимо, и для этого нужно наблюдать за своим повседневным поведением и стремиться укрепить свой характер в этом направлении. Таким же образом следует сделать смир все своим хорошим и дурным сторонам, критически рассматривая пункт за пунктом, пока не доберетесь до таких вещей, которые принято обычно считать не имеющими значения. Нет ли небрежности в распределении и использовании своего времени? Знаете ли вы, какую громадную ценность имеет каждый час жизни, когда человек бодрствует? Ясно ли вам, что большинство людей бесцельно проводит громадную часть своей физической жизни и совершенствуется сравнительно слабо, вместо того, чтобы (если они этого захотели бы) они могли бы так применить это растрачиваемое время, что оно получило бы огромный вес в ускорении их эволюции. Если вам это ясно, то вы, конечно, начнете вести учёт тем часам, когда вы бодрствуете и спросите себя, что же вы можете показать, как результат этих часов. Вы будете тщательно вырабатывать и поддерживать привычку к быстроте и точности. Если вы назначили кому-либо свидание, то вы не будете опаздывать ни на пятнадцать, ни на пять минут. Если вам пришло письмо, то вы не оставите его без ответа в ожидании того, когда вы раскачаетесь взяться за перо. Вот одно из первых правил, которые нужно заучить: промедление крадет время, и не только ваше время, но и чужое; результаты вашего небрежного поведения причинят ущерб не только вам, но отразятся и на других. Тот, кто ищет, найдет много случаев укрепить свой характер и утолщить свою броню к грядущему дню великой битвы. Великие дела по плечу лишь сильным духом, а сила духа приобретается в борьбе именно с мелочами жизни — пока мы не будем чувствовать себя господами в малом, ничего великого впереди ожидать нас не может.

ВАЖНОСТЬ ВНИМАНИЯ

Нельзя в достаточной мере подчеркнуть всю важность того явления, которое называем “вниманием”. Его следует культивировать всеми возможными способами. Что бы вы ни делали, великое ли дело, или пустяк, это необходимо делать, устремив на него всё внимание. Внимание к исполняемой работе есть не только первый шаг к успеху именно в данной работе, но есть также движение вперед по пути настоящего оккультного развития. Изучение какого-либо предмета в течение получаса с неослабным вниманием в результате даст больше, нежели сидение над ним в течение половины дня с умом, блуждающим по сторонам. И пока мы быстро набираемся знаний, работая с упорно сосредоточенным вниманием, мы достигаем кое-чего и больше этого. Мы приводим ум наш в такое

состояние, которого он обязан достигнуть прежде, чем будет замечен хоть какой-нибудь успех на путях оккультизма.

Процесс обычной умственной работы у большинства людей напоминает собой то, как играет котенок. Вот он прыгает за висящей веревочкой, вот ловит перышко, вот бросился за мухой, потом скачет в другую комнату и мечется от одного предмета к другому, и всё это только потому, что у него в жизни нет ничего посерьезнее. То же происходит и с блуждающими умами. Блуждающий ум занимает время тысячами пустячных дум, которые, если их собрать в одно целое, равняются просто ничему. Он предаётся мечтаниям обо всём вообще и ни о чём в особенности, бросается в воспоминание о недавнем разговоре, перепрыгивает на поездку, бывшую с неделю тому назад, балуется с пришедшим на память замечанием приятеля, пугается, что у него осталась вот такая-то неисполненная обязанность, тут же забывает об этом, потому что мимо окошка кто-то проехал, и, наконец, перекидывается на какой-нибудь совершенно новый круг такой же беспечной деятельности, лишенной как связи с предыдущими мыслями, так и вообще какой-либо цели или порядка.

Подобное состояние ума относится к тому периоду нашего существования, когда у нас не было знания о назначении жизни. Это состояние уже не подобает изучающему теософию, и он должен, не теряя времени, приступить к серьезной работе над тем, чтобы освободиться от столь вредной привычки. Один из хороших для сего способов — это стараться упорно держать ум на исполняемой работе, будь то чтение, разговор, слушание или выполнение какой-либо несложной обязанности. А если вы хотите провести время или вообще дать отдохнуть вниманию, то устремите ум всецело на это и совершенно не позволяйте ему касаться работы, которую вы временно приостановили.

Внимание — это самый сок оккультного процесса. Невозможно представить себе, чтобы кто-нибудь вдруг преуспел в оккультизме, не обладая способностью внимания. А выработать последнюю до такой степени, когда она начнет проявлять свое действие, можно лишь тем, что приучать внимание всецело удерживаться постоянно на всех встречающихся нам мелких делах, пока это не претворится в глубоко укоренившуюся привычку. Разве не внимание служит фундаментом всему оккультному развитию?

Возьмите, например, телепатию, с которой большинству приходится более или менее иметь дело. Вы только что хотите что-нибудь сказать, как уже ваш товарищ произносит это за вас. Вы решили подвинуть стул или открыть окно, но не успели еще встать, как ваш сосед обращается к вам с просьбой сделать именно это самое. Вы не думали целую неделю, что вам нужно купить вот такую-то вещь, когда вдруг вы вспоминаете о ней, но прежде, чем вы успели выразить эту мысль в словах, ваш товарищ уже несет вам эту вещь. Часто случается, что люди в один голос произносят те же слова. Очень часто бывает, что вы точно знаете, что известное лицо сейчас хочет сказать, прежде нежели оно выполнит это. Это бывает, когда ум не тревожат другие мысли или вещи. Мы не можем представить себе человека, который был бы в состоянии уловить чужую мысль в то время, как собственный его ум галопирует от одного постороннего предмета к другому. Как мы можем узнать, что другой думает, когда плохо понимаем даже, что он говорит? Но мы вполне можем представить себе, что телепатия разовьется при напряженном и сочувственном внимании. Мы вполне можем себе представить, что кто-нибудь внимательно слушает другого, и, притом, настолько внимательно, что совершенно попадает в ход его мышления и узнает его идеи прежде, чем тот успеет их выразить словами. Такое концентрированное внимание обязательно вырабатывает чувствительность.

Очень хорошим упражнением внимания является вслушивание в то, что говорит другой. Можно заставить себя вникнуть в каждую мысль оратора; и если, как это часто бывает, идеи немногочисленны, то обратить крайнее внимание на всё, что говорится, давая себе в уме полный отчет о тезисах автора, по мере того, как таковые высказываются, и не упуская ничего из сказанного. Собственное согласие или несогласие с оратором не должно влиять на напряженность внимания. Во всяком случае, ум должен быть неуклонно прикован к произносимой речи, настолько неуклонно и постоянно, чтобы другим мыслям совершенно некогда было навязаться.

Если идеи высказываются оратором со слишком большою медлительностью, чтобы ум мог быть ими всецело занят, то можно занять его работой пересмотра уже сказанного до того времени, или даже угадыванием, что вероятно будет еще сказано, но во всяком случае ум должен быть со всем возможным упорством занят оратором и предметом его речи. Вниманию нельзя допускать ослабнуть ни на минуту с того момента, пока он ее не закончит. Внимание должно быть абсолютным. Если кто-нибудь входит или выходит, не смотрите на это. Старайтесь не видеть никого кроме оратора и не слышать ничего, кроме его речи, пока она не кончится. Если это и покажется вначале утомительным, то нет надобности обязательно напрягать внимание в течение всей лекции или проповеди. Но на то время, которое вы себе назначите, внимание должно быть сосредоточено неукоснительно, и если речь хороша, то этим способом вы от нее больше хорошего получите. Если речь такова, что она вас возмущает, то вследствие этого способа она утратит большую часть — если не всю — своей для вас неприятности, потому что когда ум сосредотачивается на ней и занят ее критикой, то время тянется не так долго и идет незаметно. Верный способ сократить длину (кажущуюся) всякой речи — это сосредоточить свое внимание на ней.

НЕЗАВИСИМОЕ МЫШЛЕНИЕ

Еще одна вещь, которой придется заняться начинающему, — это свое собственное, ниоткуда не заимствованное, независимое мышление. Конечно, придется читать много книг по оккультизму, причем появляется склонность к их языку. Когда ему придется что-нибудь писать самому относительно теософии, то, критически просмотрев свою работу, начинающий увидит, что он изложил почти те же идеи, почти тем же способом, с теми же особенностями и с теми же примерами, как это было у прочитанных им авторов. Часто он увидит, что он катится по чужой колее, и ему нужно сделать решительное усилие, чтобы выбраться из нее. Как бы ни было чудно творение учителя, ученик не должен делаться ни переписчиком, ни попугаем. Он должен отучить свой ум от стремления пользоваться чужими колеями и от привычки останавливаться, когда такая колея кончается. Чтобы избавиться от этого несчастья, он должен будет заниматься чтением лишь короткое время, а затем делать остановки и хорошенько поразмыслить над предлагаемыми ему идеями. Пусть он пробует обсудить их с разных точек зрения и посмотрит, не сможет ли он сказать еще чего-либо по этому поводу. Пусть он припомнит, не было ли в его жизни похожего опыта в этом отношении, совпадающего с принципами автора, и подумает над этим. Если ему приходится говорить с другими о прочитанном, то пусть он старается избегать точных выражений автора, а передает мысль своими собственными словами. Он должен постараться придумать собственные примеры, иллюстрирующие данную тему или новый ряд обстоятельств, в которых применимы выведенные принципы; и единственный путь — это мыслить, мыслить, мыслить самому.

Способность непосредственного мышления есть неоценимое свойство, и единственная причина, почему оно так мало применяется, лежит только в том, что слишком немногие готовы уделить этому мышлению необходимое время и труд.

ПОСТОЯННОЕ И ПРАВИЛЬНОЕ УСИЛИЕ

Начинающему изучение оккультизма следует хорошенько усвоить себе еще одно обстоятельство — это необходимость напряженной работы. Кто приступит к делу, воображая, что равнодушное и отрывочное изучение доведет его до цели, заранее обрекает себя на неудачу. Но и тот, кто предполагает, будто проскакав галопом по всей оккультной литературе, по тому способу, как читаются романы, он может стать оккультистом, будет почти так же далек от успеха, как он был и при начале. Можно по желанию посвящать изучению оккультизма и мало времени и много. Дело не в том. Важно, чтобы период работы, будь то несколько часов, час или даже полчаса в день, отличался той энергичностью ума, которая является естественным результатом всякого живого стремления и постоянства цели.

Работа спустя рукава лишь немногим лучше полного безделья. Без напряжения в работе прогресс изучающего будет отчаянно слаб. Это верно в отношении всего, чтобы мы не предпринимали. Почему бы не быть этому верным и в отношении оккультизма? Студент университета, быстро шагающий вперед по юриспруденции, медицине, математике или языкам — это студент напряженно работающий. Гений есть только эссенция тяжкого труда. Тот факт, что такой труд может быть имел место в одном из предыдущих перевоплощений, не меняет дела. У нас нет таких способностей, которые не вырабатывались бы нами, и каждое усилие ума теперь предопределяет наши интеллектуальные достижения в будущем, а равно ускоряет теперешний прогресс.

Работать следует не только со всей энергией, но и с постоянством и правильностью, если только мы хотим чего-нибудь добиться. Правильность имеет свои магические свойства. Определенная сумма энергии, затрачиваемая правильно и неуклонно, в результате дает несоизмеримо больше, нежели та же сумма энергии, затрачиваемая нерегулярно, судорожно. Пусть начинающий определит себе известное время на каждый день для изучения и продумывания оккультизма, пусть он не допускает перерывов в работе, и в результате он заметно продвинется вперед. Трудность сразу взяться за работу будет становиться всё меньше и меньше. Искусство углубления в изучаемый предмет будет всё легче и легче. Скоро изучающий заметит, что его час или полчаса, смотря как у кого, по отношению к достигаемым в течение затраченного времени результатам, перерастает все пропорции. Однако, едва он допустит ту ошибку, что посвятит изучению оккультизма сегодня два часа, завтра ничего, на следующий день — 15 минут, потом целую неделю ничего и, наконец, отдаст этому целый день, “чтобы наверстать упущенное время”, пусть и в будущем изучение у него пойдет такими же случайными периодами, смотря по веляниям удобств, по игре обстоятельств, и в зависимости от каприза, и в конечном итоге множества затраченных часов он пройдет гораздо меньшее расстояние на своем духовном пути. При первом способе он создает поток правильности (привычку) и накопленная инерция течения этого потока (сила привычки) несет его с собой. Он фактически вступает в новую моральную и интеллектуальную жизнь — он приобретает новую точку зрения, новые мерил ценности, создает новые привычки своего сознания — и ему приходится преодолевать известную инерцию. Правильность позволяет ему не только быстро взять верный шаг, но и не позволяет ему терять его и в промежуточные часы. Между тем, при втором способе он теряет не только его, но теряет еще большую часть времени,

посвящаемого изучению, чтобы только опять попасть в него. Ему всё вновь и вновь приходится преодолевать инерцию, и он всё время только и думает, что приступает и начинает вместо того, чтобы продолжать движение вперед.

Правильность в изучении оккультизма имеет громадный вес для успеха еще и в другом отношении. Такое изучение предпринимается обычно новичком после того, как он либо видел, либо слышал что-нибудь такое, что вызвало в нем интерес к этому предмету. Может быть это было какое-либо оккультное переживание, может быть разговор с другим, может быть газетная статья о каком-либо феномене, или же теософская лекция.

Что-то пробудило в нем временный интерес. Так вот, если он приступит к делу с ясно определенным планом и целью, и заранее решит, что будет работать по известной программе ежедневно, то много шансов на то, что он приобретет интерес постоянный прежде, чем остынет его энтузиазм. Но если у него нет заранее определенной программы, и он решил использовать для такого чтения и изучения только то пустопорожнее время, которое быть может случится у него в будущем, то чрезвычайно много вероятий, что он позволит то одной вещи, то другой отодвинуть на задний план его занятия по оккультизму, пока интерес его к ним постепенно не ослабеет и золотой случай не будет упущен. А ведь это действительно золотой случай, когда человек вдруг в силу чего-либо приходит в соприкосновение с учением оккультизма, и воистину счастлив тот, кто сразу поймет это и сразу же возьмется за дело. Для них это может значить, самое меньшее, всю ту разницу, которая существует между многими счастливыми, полезными жизнями, или очень серенькими жизнями. Хотя с виду может показаться пустяком — сразу ли схватится за такой случай или нет. Пустяк в начале пути может составить громадную величину в середине его. Две капли дождя, упав рядом на вершину горного хребта, но одна на восточный, а другая на западный склон, в результате могут оказаться в разных океанах. Люди, которые имели склонность заняться подобными исследованиями, часто давали доказательства тому, что великие события принимали от пустяков совсем другой оборот. Разница между принятием правильной программы ежедневного изучения оккультизма и принятием программы беспорядочной относится к числу именно тех пустяков, от коих зависит судьба человека.

ЭНТУЗИАЗМ

Энтузиазм есть вещь неизмеримой ценности. Существует определение энтузиазма, как проявление Бога в человеке. Но чем бы он ни был, ему нельзя отказать в одном: это есть несомненно громадная движущая сила, сила возвышающая и улучшающая. Разница между человеком, преисполненным энтузиазма к оккультизму и человеком без него — это разница между жизнью и смертью. Один пребывает как бы во сне ко всему, кроме окружающей его материальной обстановки. Другой же восстал и бодрствует и соприкасается с жизненными токами вселенной. Главная задача лектора-теософа — возбудить такой энтузиазм, так осветить духовные факты уму, способному воспринять их, что признание мировой истины заставляет разгораться божественный огонь в сердце человека. Для тех, кто достиг определенных ступеней эволюции, этот энтузиазм превращается в ровно горящее пламя, хотя бы и слабое и остаток предстоящих им перевоплощений они счастливо могут пройти в его свете. У многих других энтузиазм медленно остывает, хотя в дальнейшем у них же он может вспыхнуть легче вновь. Воистину счастливы те искатели истины, которые решаются на определенную ежедневную работу, и пока горит в них новый энтузиазм, приобретают твердую

привычку, с помощью коей благополучно переходят от случайной заинтересованности к интересу постоянному.

УСВАИВАНИЕ УМСТВЕННОЙ ПИЩИ НЕОБХОДИМО ДЛЯ РОСТА ДУШИ

Изучающий теософию должен много читать, но ещё больше думать. Он мог бы даже и совсем обойтись без чтения, если бы не мог достать книг по оккультизму, но без размышления он не мог бы преуспеть, если бы предоставить ему все книги, которые когда-либо писались по оккультизму. Между ростом души и ростом физического тела существует тесная аналогия. Ибо и тело для своего роста требует не только поглощения пищи, но и усвоения её, и, конечно, речи не может быть о росте, если пища не переваривается и не усваивается. Перевариванием пища обращается в такое состояние, когда она становится пригодной как материал для строения тела, и путем усваивания она фактически идет на постройку. Совершенно также обстоит дело и с развитием души. Сырой материал должен подвергнуться известному процессу прежде, нежели стать пригодным для роста души. Чтение и наблюдение фактов равносильны собиранию запаса душевной пищи. Если тем только и ограничиться, то это будет всё равно, что кто-нибудь глотал бы пищу, хотя в силу каких-нибудь физиологических расстройств пищеварительные процессы у него были бы приостановлены. Тогда он от этого ничего бы не выиграл, и никакого роста от этого не произошло. Для души ум то же самое, что желудок для физического тела — это лаборатория для обработки материала. Ум занимается накоплением фактов, принципов, наблюдений и переживаний, и из всей массы создает понятия, новые взгляды на вещи, новое понимание жизни — он вытягивает экстракт из всей суммы поглощенного им, и тогда эта эссенция готова для усвоения её душою, готова, чтобы быть материалом для постройки каузального тела. Работою ума сырой материал, собранный для душевного роста, превращается в готовый. Без этой же работы такой сырой материал также не может быть применен для построения души, как не могут быть применены для построения физического тела фрукты и овощи, не претерпевшие никакого изменения. Таким образом, мало сказать, что работа ума важна, она положительно необходима.

Сколько бы времени ни предназначил себе кто-либо ежедневно для изучения оккультизма, порядочная доля его должна быть отведена исключительно для спокойного размышления, без всякого чтения. Обыкновенная ошибка заинтересовавшихся теософией заключается в том, что они закапываются с головою в книги всякую минуту, которую могут для этого урвать от своих спешных дел. Конечно, страстное желание прочесть всё, что можно достать по данному предмету, весьма похвально, и горячее усердие есть предвестник скорого прогресса; но чем ранее это усердие направить в русло, где можно наилучшим образом использовать его энергию, тем лучше. Для этого следует выделить определенное время, в течение коего размышлять о высшей жизни. Хотя маловато будет, пожалуй, и полчаса, всё же 20 или 10 минут лучше, чем ничего. В котором часу производить это, будет, конечно, зависеть от привычек или обязанностей, имеющих у каждого. Но время это должно быть таково, когда человек наиболее свободен от своей повседневной деятельности и когда его меньше всего могут потревожить. Для одних это будет полдень, для других ранние сумерки, для третьих, и быть может большинства, это будет час отхода ко сну. Время, определенное для спокойного размышления, не должно заменить собой утреннюю медитацию, если изучающий настолько счастлив, что посвящает таковой несколько минут тотчас после вставания. В течение этого следует предоставить мысли главное течение и устремление ввысь, а не заниматься напряженным произвольным усилием ума. Последний должен просто останавливаться на прочитанном в

течение дня, на фактах и принципах, выведенных автором, если не на всех, то на некоторых, поразмыслить над ними и приложить их к тому, что сам знаешь из личного опыта жизни. Часть времени можно посвятить обсуждению происшедшего за истекшие сутки. Можно заставить ум пробежать обратно по извилистому пути, пройденному за это время, остановиться на том, кого видел, что говорил, делал, думал, или желал. И всё обсудить с точки зрения высшей жизни. Правильно ли было поведение? Не пропустил ли случая помочь кому-либо? Не сказал ли чего-нибудь такого, о чём лучше бы помолчать? Не поддерживал ли таких мыслей, которые нужно было гнать от себя? Короче говоря, соблюл ли ты в своей жизни свои высшие стремления, и не было ли такого слабого пункта, который нужно было бы сделать к завтрашнему дню крепче? В таком размышлении о прочитанном и пережитом за день, и в укреплении решимости своей проводить в жизнь свои высшие идеалы, полчаса пробегает приятно и незаметно, и чудодейственная алхимия умственной работы превращает собственные переживания в духовную силу. Такому взгляду назад следует, однако, посвятить время, предназначенное для размышления, не полностью. По крайней мере несколько минут всегда нужно отдавать мысли о внутренней жизни и цели существования. Это есть источник действительной силы — живой ручей усиливающейся энергии. Думайте о желательности высшей жизни и о преходящей натуре всего существующего в видимом мире. Поразмыслите над быстрым полетом времени, над всё усиливающейся скоростью, с которой катятся годы за годами; над тем, как коротка и вместе с тем как важна физическая жизнь, и как тому, кто хочет мудро её использовать, нельзя терять больше ни минуты из оставшегося у него времени. Рассмотрите всю бесполезность стремления к богатству, к собиранию сокровищ, крупных или малых, к большому уходу за физическим телом, нежели это требуется для содержания его в здоровье и комфорте, вспомните, что затрачивать всякую энергию сверх того на материальные вещи, на то, чтобы скопить их и заботиться о них, хуже, нежели ничего не делать — ибо это мысль и сила, которые можно было бы использовать на помощь другим в их движении вперед, а этим приобрести и для собственной души такие бессмертные качества, которые увеличивают силу и расширяют поле будущих жизней.

Подумайте о том, что теплое дружеское чувство дороже, чем обладание материальными предметами, подумайте о необходимости усилить характер; о том, что добро, любовь, сила и все свойства характера, привитые нами себе в течение физической жизни, становятся нашим нетленным богатством, неиссякаемым источником света и радости для нас в будущих жизнях.

Припомните самые беззаботные, радостные и возвышенные моменты, когда-либо сознательно пережитые нами, и подумайте, что это состояние и должно было бы быть вашей нормальной физической жизнью, ибо праведная жизнь есть радость, хотя громадное большинство и не подозревает о том, что жизнь много счастливее, нежели вы себе можете вообразить, ожидает вас в будущем, если только вы упорно будете развивать в себе стремление сообразоваться с вашими высшими идеалами. По крайней мере на несколько минут в течение дня (каждого) представьте полную волю вашему воображению, пусть оно рисует вам картины вашей будущей деятельности, пусть построит вам подмости, на которых вы будете выступать актером в драме жизни. Откажитесь от мысли, что ваше бытие ограничится узкими стенами этого перевоплощения, разрушите их и поймите, что теперешняя маленькая жизнь — есть лишь тусклое и сумрачное утро грядущего сверкающего дня. Ведите ваши расчеты не для этих предраассветных сумерек, но примите в соображение, как часть одного импозантного целого, ещё и те жизни, которые предстоит прожить. Составьте план, как провести остаток этого перевоплощения, наподобие того, как в заключительный период школьного образования люди начинают обдумывать свой дальнейший жизненный путь и стараются

теперь же применить свою энергию, чтобы лучше подготовиться к будущей деятельности. Этот ежедневный обзор более широкого круга, в котором семена сегодняшней мысли расцветут в дела будущих жизней, раздует самую слабую искру благородных стремлений в постоянный огонь и придаст внутренней жизни такую реальность, которая позволит изучающему понять кое-что об обманчивом характере физического существования с его ложными идеалами, сбивающими с пути незнющих.

ОПАСНЫЕ НАСТРОЕНИЯ УМА

В предыдущей главе мы говорили, что то время, которое будет ежедневно определено для пересмотра событий только что истекших часов и для размышления о значении жизни и различных жизненных проблем, должно быть периодом спокойного мышления и устремлений. Здесь может быть не лишним будет добавить, что слово “спокойный” не должно означать собой той пассивности, которая характерна для медиума, впадающего в транс и готового слушать приказания. Если придать такое направление уму, то этим подпадешь под власть психических условий данной минуты и не будешь иметь ни малейшего случая судить — хороши они или плохи. Будет очень похоже на то, как если бы один слепой человек, едва-едва умеющий плавать, бросился в речку, не зная, понесёт ли его течение к спокойному и удобному для купания месту, или же вовлечет его в омут. Изучающий должен всегда держать наготове свою волю, и не под каким видом не отказываться от неё ни в чью пользу. Его задача постигнуть самого себя и окружающее, получить непосредственное понимание тайн жизни, очистить носителей своего сознания и развить свои духовные силы, чтобы быть в состоянии распространять свет и помогать другим на пути к совершенству. Вовсе не дело изучающего развивать в себе такие качества, которые позволили бы другим говорить его устами — отдавать своё тело другим, так сказать напрокат, чтобы его использовали как средство сообщения или осведомления с тем или о том, о чем он сам лично знать ничего не может, и правильность или неправильность чего он не сможет сам определить. Пусть этим занимается всякий, кому угодно, кроме него. Для изучающего оккультизм путь лежит в ином направлении. Он должен научиться властвовать над материей и приучиться разумно управлять оккультными силами, но отнюдь не должен становиться бессознательным и беспомощным автоматом в чужих руках. Поэтому, когда он ежедневно удаляется в самое спокойное место, какое только у него имеется, и там, наедине со своими мыслями, предаётся тихому и ясному раздумью о высшей жизни, то он должен быть расположен к восприятию, но не к отдаче себя. Он должен быть подобен человеку, прислушивающемуся к малейшему шепоту в глубине собственного существа, но человеку, относящемуся ко всему критически и переводящему всё на язык разума. Он всё время должен и умственно и морально бодрствовать и быть начеку. Он не должен позволять себя сбить с пути широко распространенному суеверию, будто невидимый мир резко разграничен на две части и что тот, кто ищет сведений о сверхчувственном, обязательно вступает в сношения с той половиной, которая известна под именем рая, когда ему удастся установить с таким миром сообщение. Ещё одно общепринятое неправильное представление заключается в том, что кто умер, тот значит человек хороший и умный. Это опасное заблуждение. Основное различие между тем, кого мы называем мертвым, и всеми нами остальными состоит лишь в том, что у мертвых нет физического тела, чтобы иметь возможность проявлять себя в видимом мире. В морали же разницы нет, и, конечно, астральный мир представляет столько же градаций морального и интеллектуального развития как и в физической жизни. Себялюбие и испорченность, которыми отличается бесчисленное множество людей здесь, столь же полно проявляется и там. Более того, ближе всего к физическому миру самая низшая часть мира астрального, и чем грубее и материальнее

нормальное астральное тело сущности, утратившей своё физическое тело, тем легче установить с нею отсюда сообщение. Поэтому, если бы изучающий оккультизм предоставил своё тело таким сущностям, которые выразили бы желание овладеть им, то вероятность получить этим путем какие-либо сведения крайне мала, тогда как возможность подпасть под самое несчастное влияние очень велика. От этого не охранит изучающего даже то, что намерения его будут чисты и добры, подобно тому как химика не могут оградить от взрыва при опытах самые лучшие его намерения, если он произведет соединение не тех веществ, которые следует. Каков будет в этом случае результат для изучающего? Он будет несомненно зависеть от его прежней кармы и природного соответствия или несоответствия его разным сущностям, обитающим в низших слоях астрального мира. Но не говоря уже о том, во что это может для него вылиться, даже при самой лучшей карме, пассивная отдача своего тела на служение орудием неведомо кому, есть шаг в ложном направлении и потому вовсе не успех. Единственная цель человеческой эволюции — это приобрести власть над материей и вступить в совершенное управление всеми носителями сознания. Для этой цели нужно развивать волю, а не отказываться от неё, нужно укреплять её, а не ослаблять.

ВЕРА В СВОИ СИЛЫ

Одна из целей, к которым нужно неуклонно стремиться — это вера в свои силы, и такую веру необходимо усердно культивировать.

Истинно стремящийся к оккультному знанию должен совершенствовать себя в качестве орудия для ускорения общечеловеческой эволюции. В данный момент он, быть может, служит этой же высокой цели на одном из низших путей, но всё же он должен понять, что для работы над великими задачами требуются только способные и любящие дело труженики, что мало очень людей, которые готовы для бескорыстного служения, и что велика нужда в них. Но тогда он поймет и то, что по мере того как будет расти способность его к служению, ему будут предстоять всё большие и большие задания. Однако на честь участвовать в такой работе могут надеяться лишь те люди, которые развили в себе необходимые для того качества; а какая польза будет от человека, у которого нет веры в свои силы? Ведь не бес сильными детскими руками создаются миры. Мы должны стать выше того состояния, когда, как дети, мы всё ещё цепляемся за юбку матери, всего боимся и от всех зависим, и только уже после этого мы сможем принести действительные услуги в эволюционной работе. Бывает, что говорят так: “Да, хотеть-то я, конечно, хочу, но вот не знаю, с чего начать; я бы стал работать, если бы мне указали, где и как”. Это, конечно, лучше, чем безразличие, но всё-таки это не та вера в свои силы к достижению коей нужно стремиться. То, что нужно — это твердая, окончательная решимость приносить пользу, не требуя ничьей помощи, имея в виду постоянно ту же цель и веря в свои силы. В самых прозаических жизненных делах и вихре жизненной суеты двигают событиями люди, уверенные в своих силах. Когда встают на пути затруднения и опасности, то на вид всплывают люди, уверенные в своих силах. Они всплывают над остальной массой так же естественно, как масло всплывает на поверхность воды. И первое место принадлежит им по праву, ибо это они способны управлять и заведовать. Владычествуя над собой, они могут владычествовать и над событиями. Будучи хозяином над собой, такие люди являются хозяевами положения. И в критический момент взоры всех с надеждою обращаются к человеку, уверенному в своих силах. Одна из божественных черт, которыми отличается оккультизм, это справедливость. Каждый представляет собой совершенно точно ту самую величину, до которой он сам себя поднял, ни йоты более, ни йоты менее. Он точно получает по заслугам. В оккультизме нельзя

сидеть у моря и ждать погоды, наподобие того, как это бывает в политике, когда, неожиданный поворот в событиях вдруг выносит на гребень волны какого-либо незначительного кандидата ко всеобщему изумлению.

Люди, быстро преуспевавшие на путях оккультизма, все решительным усилием сами пролагали себе дорогу. Они не выжидали случайностей, а создавали их. Самые видные деятели хотя бы в истории теософического общества являют собой разительный пример того, что получается из твердой решимости приносить пользу у человека, уверенного в своих силах. Эти люди не ждали, когда к ним придет приглашение работать на благо всего мира. Каждый из них сам создавал для себя свое поле деятельности и с честью занимал в нем свой пост. Так, например, полковник Олькотт не ждал, когда разовьется и созреет оккультное общество, где бы для него было оставлено место председателя и тем была бы доставлена ему возможность оказаться полезным. Нет, он взялся за работу сам, и создал такую организацию, которая сразу стала приносить пользу всему миру. Г-жа Блаватская не ждала, пока ей пришлют теософическую литературу западные нации. Она предупредила спрос на неё, сама дав такую литературу, которая когда-нибудь будет признана поворотной эпохой в истории западной цивилизации.

Те, кто начинает изучать и применять на практике теософию, часто склонны думать, что важные дела вершатся лишь немногими избранными, а остальным уже заранее так и предназначено довольствоваться только тем, чтобы на них смотреть и аплодировать. Они забывают, что для ускорения человеческой эволюции существует множество путей и методов, и что незначительные вещи и явления бывают столь же совершенно важны для этой цели, как и те, которые привлекают общее внимание. Они забывают, что великие деятели когда-то находились точь-в-точь в таком же положении, как и любой начинающий, и что, конечно, каждый начинающий может достигнуть столь же возвышенного и полезного положения, как и они, если он действительно желает этого, а пока стремится принести пользу на более скромных путях. Если он теперь же приложит свои руки хотя бы к малому делу, то уже вскорости он доберется и до более высоких задач, и это столь же верно, как и то, что он живет и мыслит. Но пусть никто не надеется, что ему будет доверено большое и ответственное дело прежде, чем он докажет свою способность управляться с малыми делами.

РОКОВОЕ “УЖО”

Хороший совет можно дать ищущим оккультные знания в следующих двух словах: “Не откладывай”. *Действуйте сейчас*. Не медлите с хорошими намерениями. Свет полон людьми, которые смутно представляют себе, что когда-нибудь потом и каким-то туманным образом они доберутся до того, чтобы начать своё бескорыстное служение миру. Куда бы мы не взглянули, мы везде найдем таких лиц, которые говорят, что что-то такое обязательно сделают “ужо”. Один ждет, когда вспухнут цены на недвижимость, и когда помещенные им там деньги принесут ему прибыль, чтобы заплатить долги, и уж *тогда* он посвятит себя теософской работе. Другой имеет успех в качестве публичного оратора и с теми философскими знаниями, которые у него есть, мог бы оказать неопределимые услуги. Он и сам понимает это, но хочет сначала скопить только “побольше денег”, упуская из виду, что ему ни малейшей нужды в этих деньгах нет, и что работа, исполняемая от души и со знанием дела пробьёт ему дорогу. Другой верит в горнопромышленность, и ждет только, когда она разовьётся, и тогда, когда она разовьётся — дай только срок — он уже себя покажет.

Эта жертва “ужо” не соображает, что один доллар в кармане стоит больше, чем миллион долларов в горной жиле, которую ещё надо найти. Тот доллар, который он мог бы дать сейчас, превратился бы в теософическую книжку в какой-нибудь библиотеке, или в обед какой-нибудь бедной семье, или в подметки на истоптанные ботинки сиротки, между тем миллионы, о которых он мечтает, быть может никогда ничего не сделают кроме того, что будут держать его в нищете, пока он их разыскивает, и что даже если и стрясётся столь невероятное событие, что он их найдет, то они настолько займут его внимание, что он целиком займется ими и уже не будет иметь времени ни для чего другого. Другой хвалится, что он с особенной тщательностью и уже как следует изучает теософию, и как только он ею всецело овладеет, так уже приступит к учительству. Этот совершенно не понимает, что если бы его теперешняя земная жизнь продлилась (продолжилась) даже тысячу лет, то всё же он не смог — бы “всецело овладеть теософией” и что если он в самом деле хочет помочь другим, то всегда найдутся люди, которых можно научить чему-либо хорошему. Дело не в том, чтобы учитель знал “всё”, а чтобы он знал больше тех, которых он собирается учить. Каждое соприкосновение с кем-либо дает ему для этого случай. И так всегда бывает с теми, которые откладывают дело на “ужо”. Обман “ужо” может принимать то ту, то другую форму, но результат один — бездеятельность, потеря золотого случая. Уже одно то ощущение, что нужно что-то делать, есть указание на достижение той ступени развития, когда “нужно” сделать это что-то или же упустить случай, иначе говоря, не выполнить своей “дхармы”, как говорят индусы, т.е. отказаться от такого шага в своей эволюции, который может быть сделан по линии наименьшего сопротивления.

“Не откладывай”. В тысячу раз лучше сделать хотя немного, но сейчас, нежели решить, что сделаешь громадное дело в неопределенном будущем. Путешественники зовут Мексику страной завтраков. Прислуживающий вам мексиканец с большой готовностью соглашается на всё, чего бы вы не пожелали — но только: “завтра, сударь, завтра”! Ни за что, ни под каким видом не сегодня, если только есть к этому малейшая возможность, а завтра — “О, да, сударь, всё что угодно, только не сейчас”. И так проходит у них время в лежании на солнышке и в дремоте, и они добродушно и с чистой совестью верят, что завтра это будет легче, чем сегодня. И, конечно, такое настроение ума ведет за собою всю понятную плачевность результатов. Но это тот самый род самообмана, которому подвержены люди и более высокого интеллектуального развития, но которые не останавливаются над разбором своих собственных мотивов и не видят всей несостоятельности собственных заверений. Если кто действительно собирается что-то совершить в будущем, то теперь вы можете найти его делающим хоть немного сейчас — когда он подтверждает свои обещания, хотя небольшой, но уже исполняемой работой. Нужно понять, что способ делать дело — это начать его, как бы мало не было начинание.

“Действуй сейчас”. В этих двух коротеньких словах кроется громадное оккультное сокровище. Действие — есть подлинное выражение жизни на физическом плане. Бездействие крадет у нас цель жизни. Мы просто отмечаем, как уходит время, сами же остаемся без движения в общем ходе эволюции. Всякая деятельность имеет столь громадную важность, что лучше даже делать глупости, стараясь совершить что-то хорошее, чем вовсе не предпринимать ничего.

Для ребенка лучше, если он пойдет и упадет, чем, если он не осмелится пойти. Боль от падения скоро забудется, а умение останется. В Индии есть такие святоши, удаляются от дел и прекращают почти все сношения с остальным человечеством, изолируясь и стараясь бездействовать во избежание греха и ища себе спасения. Оккультные исследователи говорят, что эти люди настолько преуспевают в стремлении своём стать выше прочих, что в будущих жизнях они осуждены на страшное одиночество. И против именно этого

нелепого заблуждения провозглашена оккультная истина: *“Бездействие во благе есть действие во грехе”*. И никто не может избежать ответственности за остальных людей — братьев, спрятавшись наподобие черепахи, в скорлупу личных интересов.

В словах “действуй сейчас!” второе слово столь же важно, как и первое. “Сейчас” есть самая существенная часть из всего времени. В этом маленьком слове скрыт магический секрет успеха. Тот, кто мешкает, естественно упускает благоприятные случаи. Между тем, самая эссенция успеха заключается в умении разом схватывать благоприятный случай и использовать его. В каждом событии есть свой “психологический момент”. Самые серьезные дела мирового значения принимают такой или иной оборот в зависимости от моментального решения какого-либо великого ума. С другой стороны мы знаем, что исход многих сражений и многих государственных кризисов вдруг менялся и обращал успех в катастрофу только по причине нерешительности и колебаний какой-нибудь жертвы мешковатости. Выработать привычку к быстрому решению и немедленному действию — это значит запастись хорошими орудиями для достижения успеха; а с развитием такой привычки постепенно придет и умение схватывать такой момент, как только он появится.

“В делах людских прилив бывает —
Поймай его — и к счастью он влечет;
А пропустил прилив — вновь жизнь тебя ломает,
И пустота, и нищета гнетет”

И такой прилив подкатывается на одну, две секунды, тот, кто провозился и не воспользуется золотым моментом, дорого расплачивается за свою небрежность. Для нас медлительность то же, что кандалы для арестанта, мешковатость — то же, что железная решетка в тюрьме. Если мы стремимся к прогрессу, достойному учеников оккультизма, то мы должны приобрести искусство быстро принимать решения и действовать немедленно. Давайте не будем откладывать. Давайте не довольствоваться соображением, что вот это бы, пожалуй, надо бы сделать, и гасить вспыхивающую искру божественного огня, успокаиваясь на мысли, что вот уж мы как-нибудь это возьмем да и сделаем. Мы должны выработать благодетельную привычку действовать в целях общего блага, и действий своих не откладывать на “ужо”, а совершать их теперь же.

ЕДИНСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ОТ ОПАСНОСТИ

Есть одна вещь, которую изучающий оккультизм не должен упускать из виду, ибо важность её для него огромна. Он должен хорошо помнить, что развитие благородства сердца есть самая основа действительного прогресса. Может быть изучающий полагает, что всё дело в том, чтобы приобрести знание: что он усядет за книги, и что книги разрешат все его вопросы; что вполне достаточно иметь основательное понятие об оккультных законах и принципах. Такое мнение — грубая ошибка. Чисто мозговое усвоение теософии мало ему поможет. В самом деле, если он ограничится только пониманием её, а не постарается проводить её в жизнь, то оккультное знание принесёт ему только вред. Если полученные сведения он применит только на то, чтобы побольше извлечь для себя материальной пользы, то он был бы счастливее без них. Эгоизм в чем бы то ни было приносит с собой несчастье; эгоизм же в пользовании оккультными знаниями повлечет за собою катастрофу. Это прямой путь к очень большой опасности, опасности увеличивающейся с каждым шагом вперед в знании, применяемом для эгоистических целей. В накоплении такого знания может быть быстрый прогресс, но этот прогресс не

духовный. Это только развитие ума. Изучающий, следуя по такому пути, рано или поздно окажется отрезанным от источника жизни теософии; он будет оставлен обожать созданных им личных идолов сбоку правильной дороги. Это только вопрос времени и ещё самое лучшее из того, что с ним может приключиться. Но может быть и так, что в оккультном развитии и в приобретении оккультных сил для эгоистических целей он зайдет столь далеко, что вызовет реакцию природы, возмущенной таким злоупотреблением её дарами. Это будет тот удар рока, который в одной трагедии обрушит на него все муки, ужасы и страдания, какие только доступны человеческому воображению.

Конечно, этот возможный финал лежит в отдалённом будущем, в перспективе этого интеллектуального пути; но это лишь увеличивает немедленную опасность именно тем, что показывает её далекой, смутной и неопределенной. Однако, зависимость между началом и концом столь же тесная, как зависимость между плавным, спокойным течением вод реки Ниагары и низвергающимися с ужасной быстротой водопадами её всего за несколько миль пониже. Не бывавший в этих местах человек, никогда не видавший этих водопадов, счел бы всякое предупреждение за дерзость. Его челнок, послушный веслам, шел бы вперед и он сам замечал бы не больше признаков опасности, чем на любой другой реке. Если бы он просто отдался тихому течению, то прошло много бы времени, пока увеличение скорости обратило бы на себя его внимание. Но и затем это увеличение росло бы с такой поспешностью, что абсолютно не вызывало бы в нем никакой тревоги до тех пор, когда спастись было бы уже поздно. В совершенно такой же мере связано пользование оккультными средствами для эгоистических целей с грозной опасностью от этого. Не усыпляйте себя тем, что сейчас течение тихо. *Водопады впереди, несмотря на это*, для всех тех, кто пойдет по пути эгоизма.

Ясно, поэтому, что чем раньше начинающий оккультист обратит внимание на эту опасность и примет меры предосторожности, тем лучше. Его защитой будет бескорыстие. Развивая в себе бескорыстие, изучающий укрепляет себя, он заранее обеспечивает себе безопасность. Он должен попробовать приобрести привычку больше думать о других и принимать в расчет их благополучие. Если он вступает в Теософическое Общество, то пусть он делает это с целью помочь эволюции человечества; пусть он смотрит на приобретенные им оккультные знания не как на личное богатство, а как на средство быть полезным для других. Это желание приносить пользу должно войти в его плоть и кровь, должно стать неизменной привычкой его бодрственного состояния; оно должно быть развиваемо всеми возможными способами. Есть вежливость напускная, и есть вежливость истинная. Вежливость напускная касается лишь внешних форм. Это — вежливость условная, она дает ловкость и умение держать себя в обществе и преподает некоторые правила и обычаи, направленные на предупреждение трений и столкновений. Если не нарушается писанный закон, то эта вежливость чувствует себя удовлетворенной. Истинная же вежливость рождается из чувства действительного уважения к благосостоянию других. Человек истинно вежливый меньше смотрит на правила и на то, что о нем подумают, а больше на то, как принести пользу окружающим его; и никто не обладает и не может обладать истинной вежливостью, если у него нет чувства правоты по отношению к другим человеческим существам. Такое чувство есть цвет бескорыстия. Готовность оказать помощь должна быть твердой и постоянной. Её нужно проводить во всей своей жизни, хотя бы и ежедневной и будничной. Будь то дома, на деле или при уличных встречах и происшествиях, теософ должен зорко следить за тем, как бы ему принести кому-либо пользу, он должен воспитать в себе как привычку готовности к помощи другим, так и привычку пользоваться всяким случаем, чтобы применить эту готовность.

СОЧУВСТВИЕ

Известно, что во всех настоящих оккультных школах существует золотое правило, обеспечивающее безопасность для учеников их. Оно заключается в том, что на каждый шаг по пути приобретения оккультного знания должно приходиться три шага по пути совершенствования своего характера. Отсюда легко видеть, что привычки готовности к помощи ещё недостаточно. Да, она прекрасна; да, она необходима, но нужно и ещё кое-что. Изучающий должен упорно работать над развитием благородных побуждений своего сердца, ибо в них лежит залог его будущей безопасности. Его сочувствие страдающим может быть усилено, а благородство сердца может идти вровень с развитием ума, практической работой среди окружающих, где бы он ни находился. Больные, несчастные, старцы, слепцы и дети есть всюду. Везде имеются люди, обреченные на одиночное сидение дома то ли болезнью, то ли несчастьем, то ли старостью. Их близкие обычно слишком заняты, чтобы понять их душевное состояние. Бесконечно тянется послеобеденное время для деятельного человека, внезапно приговоренного к праздности каким-нибудь несчастным случаем или болезнью. Представьте себе старика, привыкшего к более душевному обращению со стороны отошедших уже поколений, старика, который чувствует, что жизнь ушла уже вперед, оставив одного его позади; ведь если навестить его и поговорить с ним, то для него это нарушение монотонности дня будет положительно праздником. Изучающему оккультизм не придется далеко ходить в поисках случаев оказать помощь и условий, развивающих сочувствие. Он легко может составить список, согласно которому он ежедневно будет посвящать от получаса до часу попечениям о тех, которые считаются вообще вне круга его долга и обязанностей. Радушное посещение больного, сердечный разговор с человеком, слишком немощным, чтобы выходить из дома, — пустячная услуга какому-нибудь бедняге — вещи подлинно ценные и ценность их превосходит все их внешние пропорции. Нетрудно найти несчастного, ибо несчастные бывают всюду. Больницы представляют собой громадное поле для плодотворной работы, особенно больницы мелкие. В них всегда есть люди, страдающие от болезней и от бедности, и появление среди них сочувствующего лица приветствуется с восторгом. Тюрьмы тоже, конечно, хорошее поле для плодотворной работы. Если кому и трудно получить такую работу, то он может оказать хотя бы ничтожные услуги. Пусть он отнесет туда хотя бы журналы, газеты и скажет несколько теплых слов. Затем можно завязать дружественные отношения с наиболее симпатичным из заключенных, разобраться за что он попал в тюрьму и установить, как ему лучше всего помочь. Тому, кто обратится к такой деятельности, представится много других путей. Если недоступны тюрьмы и больницы, то ведь есть вещи и попроще. Есть усталые матери, которые будут рады, если кто-нибудь последит хотя бы несколько часов вместо них за их ребятами; есть отцы семейства, не могущие найти работы; есть переутомленные фабричные работницы, надрывающиеся, чтобы добыть свой насущный кусок хлеба, которые будут рады получить что-нибудь из старого платья, есть бедные дети, редко или никогда не имевшие прогулки на свежем воздухе.

Нет ничего столь необходимого для изучающего оккультизм, как такое сочувственное участие в делах человеческих — и всё-таки этим слепо пренебрегают. Нет более грубой ошибки, чем воображать, будто работа эта не имеет значения, и что её может выполнить Армия Спасения или отдел Общественного Призрения; нет более рокового заблуждения, чем полагать, что нельзя отнимать время от изучения на оказание пустячных услуг нашим менее счастливым братьям. Это именно то самое, что *может* больше всего принести пользу нам самим.

Выделить специальное время для сознательного развития человеческого сочувствия, сделаться центром, изливающим солнечный свет жизни, задуматься над созданием

счастья для других, стать им фактически полезным — это значит до известной степени подражать жизни и работе Великих Учителей Любви, посвящая не частью, а полностью свою энергию на практическую работу для мира, без малейшей мысли когда-либо о себе. Громадная ошибка так отдаваться своим занятиям по изучению оккультизма, чтобы почти не сознавать, как живут другие. Подобная жизнь однобока и не уравновешена. Тратить же время на соби́рание сведений лишь немного хуже той глупости, чтобы посвятить целую инкарнацию соби́ранию денег; а последнее равносильно тому, чтобы посвятить целую зиму соби́ранию снега. Безумие из безумий отдавать всё время изучению и пренебрегать практикой. И всё же много людей совершает именно эту ошибку. Вы можете услышать от них: “Теософическое Общество не для материальной работы. Его цель — подготовка оккультистов”. И вы увидите, как такие люди годами прилежно изучают “Тайную Доктрину” Блаватской и другие глубокие сочинения по оккультизму — но мало что делают помимо того. Они собирают массу сведений по оккультизму, которые несомненно дают им мозговое удовлетворение такого сорта, как другим дает накопление денег. Но они не применяют этих сведений на пользу мира. Похоже на то, как если бы кто-нибудь соби́рался совершать геройские поступки, и затратил бы всю жизнь на подготовку себя в качестве достойного члена спасательной команды, но стремясь изучить всё, что можно узнать о штормах, спасательных шлюпках, сигналах и способах оживления утопленников, вовсе не нашел бы времени присоединиться к людям, уже работающим по действительному спасению мореплавателей, потерпевших кораблекрушение. Изучающие этого рода естественно застывают в рутинеров, а настоящее живое теософическое движение катится мимо них, и они теряют его. Теософия только тогда приносит кому-либо пользу, когда ею ЖИВУТ, а не только понимают её мозгом, и чтобы жить ею в самой высшей доступной мере, в самой полной степени, изучающий должен стараться претворить её предписание и практику в идеальную жизнь.

Всецело отдаться делам или изучению, в то время как нас окружает вся благоприятная обстановка, представляемая физическим планом, почти равносильно тому, как если кто-нибудь на прекрасном спектакле в театре был погружен в чтение газеты, а спектакль шёл бы своим чередом. Наша теперешняя жизнь даёт нам великолепный случай для всестороннего развития. Те самые вещи, к которым у нас нет естественных склонностей, как раз требуют нашего особенного внимания. Если кто-нибудь любит большую часть своего свободного времени посвящать развлечениям, то ясно, что он может улучшить себя, уделив немного времени изучению, но и тот, кто всецело поглощен изучением, получит большую пользу, предоставив часть времени чему-нибудь другому. Развитие ума, конечно, важно, но это ещё не самое важное в жизни. Воспитание в себе способности к сочувствию, к состраданию, бесконечно важнее для изучающего оккультизм, а между тем именно о ней мы реже всего думаем, что она требует систематического развития. У нас много способов и масса приспособлений для развития ума, но развитию благородного сердца мы предоставляем хлопотать самому о себе и проходить всяким туманным и неопределённым путём, на который оно случайно попадает само.

Между тем вполне возможно развить в себе сострадание совершенно так же, как развивать ум, но это, конечно, требует внимания и систематического труда. Нужно, прежде всего, признать необходимость в этом и решительно направить ум на данную задачу. Это первый шаг к тому, чтобы разбить то поглощение самим собой, которое заставляет нас забывать о других братьях, борющихся после нас на жизненных путях. Тогда изучающий начнет всё более замечать затруднения и видеть проблемы, которые становятся жизнью окружающим его близким. И по мере того, как он присматривается и прислушивается, растёт и крепнет в нем сочувствие.

УСЛОВИЯ ДУХОВНОГО ПРОГРЕССА

Одно из существенных условий духовного прогресса есть отдача получаемого, и без таковой не может быть действительного роста. Правда, может быть накопление известных знаний; но оно будет столь же бесполезным своему хозяину, надеющемуся, что с ним он достигнет успеха, как бесполезно золото человеку, гибнущему одиноко в пустыне, где все скопленные им за всю жизнь деньги не принесут ему ни корки хлеба, ни капли воды. Нет, духовный рост никогда не может произойти из скопления оккультных знаний, из испытания тайн природы и нанизывания факта за фактом, пока их собиратель не почувствует, что он хорошо ознакомился с мистическими учениями. Духовный рост означает жизнь более полную и большую жизнеспособность. Накапливать знания и развиваться духовно — две вещи разные. Мы нуждаемся не столько в фактах, сколько в умении жить, любить и познавать радости, ныне нам непонятные. Недельный ребенок обладает уже пятью чувствами, двигательными и чувствительными нервами, но он еще физически не доразвился до той степени, когда они принесут ему наслаждение более полной жизнью, чем та, которою он ещё живет. Поэтому от него скрыта ещё более широкая, интенсивная жизнь здорового взрослого человека, который находит многообразную радость в физическом существовании. Такой ребенок не может даже понять более широкой жизни. Ещё большая разница между человеком духовно не развитым и человеком, развившим в себе способность к познанию более высоких радостей мира. Первый из них духовно ещё младенец, с врожденными, но спящими способностями. Другой духовно уже взрослый, развитые способности которого дают ему широту жизни и её радостей такими способами, которые столь же мало понятны обыкновенному человеку, как литература, искусство и музыка младенцу в колыбели. Между тем и младенец обитает в том же самом мире, что и взрослый и окружен той же обстановкой, слышит те же звуки, но не имеет еще способности усвоить их. В том самом доме, где находится младенец, может быть библиотека лучших авторов, собрание изысканнейших сокровищ искусств, и какой-нибудь маэстро может волновать всех внимающих ему божественной музыкой, но всё это просто не существует для ребенка, ибо у него нет ещё способности к столь широкой и богатой впечатлениями жизни. Способность получать впечатления от всего существующего и давать соответственный отзвук есть мерило широкой жизни человека. Расти духовно — значит развивать свои дремлющие способности, расширять горизонт своего сознания и прийти в согласие с тем током жизни, который пульсирует во всей Вселенной. Это не есть процесс накопления сведений, не есть процесс накопления чего бы то ни было; это скорее процесс избавления от всех препятствий, которые мешают течению жизненного тока, которые разъединяют нас от космического ритма жизни, которые заставляют мировой прилив жизни катиться мимо нас, а не сквозь нас. Добиваться духовного знания и держать его при себе не только не есть метод духовного роста, но и одно из препятствий, отклоняющих от нас ток жизни. Открытая истина должна быть истиной исповеданной. Передавайте свои мысли другим, если вы хотите иметь больше мыслей. Не храните под спудом духовного знания наподобие личного сокровища, если вы не хотите быть отрезаны от источника мудрости. Духовный рост совершается больше тогда, когда поток жизни течет сквозь человека к другим. Тот, кто жаждет получить и удержать у себя, подобен стоячей луже со всей её зеленой грязью.

Духовно он являет собою гнилое болото. Но тот, кто получает и дает, подобен озеру, из которого берет начало сладкий и чистый ручей, утоляющий жажду распаленных от сухости полей.

По сравнению со стоячей лужей — такое озеро всё равно, что солнце по сравнению с тьмою, что здоровье по сравнению с болезнью. Болото тоже не лишено известной доли жизни. В тухлой воде его кишат мириады инфузорий и с вонючей его поверхности встает туман лихорадки. Но это жизнь паразитная — жизнь человека обращенная на него самого. Истинной жизни не может быть без проявления деятельности вовне. Жизнь и деятельность неразлучны.

Океан есть противоположность загнившей луже. Всё, что океан получает от бесчисленных рек, он отдает обратно небесам. Это вечный упрек себялюбию и бездеятельности. Его непрерывные приливы и отливы, его течения и волнения — есть ровный шум здорового существа. От земли получает он свои воды, очищает и возвращает дар. Скарредная лужа загнивает в течение недели, великодушный океан — никогда.

НЕСИТЕ СВЕТ

Ток должен идти через ум, но не останавливаться там, если требуется, чтобы духовный рост не только начался, но и продолжался. Нужно найти пути, как передать дар дальше, как сделать, чтобы свет сиял, как самому стать источником света для других. Никто не может получить что-нибудь за ничто, (хотя может быть и думает так по глупости) или получить помощь, сам не помогая. Если у него уже есть свет, то это значит, что у него за природой числится какой-то долг и что он просто получает по нему платежи. Этот долг может возникнуть без его внимания о совершившемся, но всё равно долг возник и платеж по нему был столь же неизбежен, как восход солнца, как наступление лета. Но тот факт, что кому-либо было дано немного света и помощи, отнюдь не доказывает, что последует и дальнейшее их поступление, если эти дары были приняты как нечто так и следующее и если на них посмотрели, как на личную собственность, никого другого не касающуюся. Для Вселенной нужна каждая душа и ни одна не может быть важнее других. Почему же стал бы кто-нибудь воображать, что духовные истины предназначены только для него, а не для десятков других лиц, которым он мог бы сообщить их. Существуют игры, в которых личные правила применяются наоборот, и выигравшим считается тот, кто скорее отвяжется от всех имеющихся у него очков. Точно так обстоит дело в мире духовном. Там прогресс есть обратное применение обычных стремлений физического мира. Там мы получаем всё больше и больше и, наконец, выигрываем партию от раздачи, а не от захватывания. Нельзя получить всю пользу от духовной истины, не поделившись ею с другими. Чем больше даёшь, тем больше духовно богатеешь. Кто передаёт другим знание, тот непременно сам черпает из него мудрость. Усилие просветить других — усиливает Свет в самом себе, и чем больше даешь света, тем больше сам получаешь его. Самая забывчивость о себе в работе помощи другим, создаёт такие условия, которые обеспечивают скорый прогресс.

Конечно, не стоит становиться назойливым, разглагольствуя о Теософии всем и каждому кстати и некстати. Здесь надо проявить суждение и здравый смысл. Есть люди, которым толкование про теософию принесёт столько же мало результата, как если бы вздумали объяснить своей лошади всю прелесть пейзажа. Большинство может воспринимать учение теософии в отвлеченном его виде и приноравливать свою жизнь к её предписаниям не больше, нежели дикарь с островов Фиджи может воспринять необходимость железных дорог и библиотек. Как дикарю предстоит ещё долгий путь эволюции, пока он вообще разберёт, что такое цивилизация, так большинству людей предстоит ещё путь долгого и горького опыта, пока они разберут, зачем они вообще физически живут на земле и воспримут необходимость жизни, сосредоточенной не на материальных вещах или

достижениях. Но несомненно и то, что во всяком кругу есть немногие, которые могут воспринять Теософию косвенно, т. е. принять кое-что из принципов её, когда на них не приклеен ярлык с надписью “Теософия”, и когда выражение таких принципов не сопровождается очевидным усилием заставить принять новый и странный взгляд на цель существования, внезапно ставящий вверх дном все привычные идеи. Везде и всюду бывают случаи указывать свет другим, ибо у всех имеются свои личные проблемы. И если мы увидим, что мы не можем преподать полный свет философии человеку, бредущему во тьме, то мы всё-таки можем сделать кое-какие предложения или предположения, которые принесут ему помощь. Предположим, например, что друг наш сердит на кого-нибудь, глупо и слепо решается с ним “сквитаться”, и распалает свой гнев в ожидании блаженного часа мести. Мы тогда, по крайней мере, можем заявить о своей вере в полное безумие такого поведения и выразить восхищение великодушием, которое не обращает внимание на личные обиды. Мы всегда можем говорить о терпимости, когда встречаемся с проповедью нетерпимости; о правде, когда встречаемся с несправедливостью, о милосердии, когда видим жестокость. Не споря за наши верования с пеной у рта, как догматы, мы можем спокойно заявить, что мы — теософы, когда к этому представится случай, и скромно, но непоколебимо, стать на защиту истины, как мы таковую понимаем, когда понадобится. Самое же важное, что мы всегда можем быть в настроении оказывать помощь, всегда охотно передавать другим лучи света, которые мы получили сами, ибо всё это лишь отдельные шаги на пути к совершенному просвещению.

БОРЬБА С ИЛЛЮЗИЯМИ

Когда начинающий изучать оккультизм уже порядочно углубился в свою работу, он заметит, что взгляды его постепенно претерпевают изменения, и что старые его понятия уступают новым и более верным.

Наконец он увидит, что он до сих пор жил в мире иллюзий и заблуждался, принимая их за реальности. И тогда частью его работы сделается борьба с иллюзиями и стремление открыть истину, скрытую за обманчивой внешностью.

Но приобрести способность различать между кажущимся и действительно существующим — задача громадной трудности, ибо такая способность в полном её совершенстве приобретает лишь теми, кто уже закончил человеческую эволюцию. Но ищущий сокровенную истину, может, по крайней мере, сделать первый шаг к этой цели и об этом то важном предмете мы будем говорить. Он может начать с усилия победить иллюзию, будто физическое тело и есть он сам. Мы так привыкли с самого детства отождествлять своё “я” с нашим телом, что разделить даже в своих мыслях эти два понятия сперва почти невозможно, и всё-таки это обязательно надо сделать. Совершенно освоиться с тем, что тело есть такое же орудие “я”, как рука или перо, есть первый шаг на пути оккультного прогресса. Перед нами лежит задача освободиться от иллюзии, и та иллюзия, согласно коей наше тело есть наше подлинное “я”, будет первой из них. Когда мы справимся с этой нашей задачей, то этим нами будет сделан первый многообещающий шаг к успеху в задачах более трудных.

Есть разные способы постепенно приобрести ощущение, что наше тело — это вовсе не наше “Я”, а просто некоторый предмет нашего обихода. Один из употребительных способов — это непрестанно помнить, что тело есть лишь агрегат физической материи, не имеющий постоянного отношения к “Я”, что агрегат этот всё время меняется, что части его всё время приходят и уходят и что он не остается тем же хотя бы в течение нескольких

дней подряд. Одни части замещаются новой материей более медленно, чем другие, но за немного лет (период от семи лет, предположенный сначала некоторыми физиологами, теперь уже считается для этого слишком долгим), всё тело заменяется новой материей. Другими словами, физическое тело, которое у нас сегодня есть, через короткий промежуток времени вернется в ту старую среду, из которой было построено, а из материи, ныне столь широко разбросанной по земле, к тому времени будет сформировано новое физическое тело, которое нам предстоит иметь. Это научный факт, что от рождения до гробовой доски мы имеем ряд отдельных физических тел, но процесс прибытия новых тел и уход старых столь постепенен, что мы не замечаем его, несмотря на то, что количество материи, употребляемой человеком в качестве своего тела за долгую жизнь, той самой материи, которую обновленный человек и считает самим собою, достигает по весу почти до тонны. Достаточно немножко подумать, чтобы увидеть всю бессмыслицу отождествления этой тонны материи с самим собой. Это только есть скопление физического вещества, нужного для создания орудия нашего “Я”, как такое же вещество хотя бы в пере, которым я пишу, применено для создания орудия иного рода моему “Я”; вся разница лишь в том, что для создания тела, материя была использована не вся сразу. Следует помнить, что “Я” со всеми своими воспоминаниями не подвергается действию этих постоянных перемен в физическом теле; что, в сущности, у него нет никакого постоянного отношения к телу, ибо последнее, с точки зрения науки, есть лишь вихрь движущейся материи. И тогда изучающий почувствует, как иллюзия, будто его “Я” есть его тело, начнет терять свою силу над умом его. Нужно непрестанно думать о теле, как о скоплении меняющихся клеточек, то вступающих в определенную связь между собою и образующих формы, то распадающихся и превращающихся в новые формы, в то время как “Я” остается постоянным, неизменным и независимым, временно употребляющим физическое тело, но готовым, когда придет час, выйти совершенно из него, не пользоваться им больше, и больше в него не возвращаться.

Далеко не легко думать о себе, как о чем то отдельном от столь знакомой формы, и в этом изучающему Теософию поможет то обстоятельство, что астральное тело есть копия физической формы. Если припомнить, что астральное тело всё же одной ступенью ближе к реальности, чем царство физической материи, то можно думать об астральном теле, как о своем “Я”, и, таким образом, отделить себя от физического тела, представляя себе своё “Я” со всеми его характерными свойствами и силами, пользующимся телами более тонкими, совершенно независимо от той массы материи, которая называется физическим телом. Но, конечно, остановиться на этом нельзя. Это только начало. Придет время, когда нужно будет отделить своё “Я” и от астрального тела, а там и от ментального. В мыслях об отделении своего “Я” от тела можно с хорошим результатом дойти до тела каузального. Обо всех этих невидимых носителях “Я”, или телах, постоянно следует думать, как о составленных из некоторой материи, свободно проникающей физическое тело, наподобие того, как вода проникает губку. Нужно всегда помнить, что человек есть существо чрезвычайно сложного состава, и что все обитаемые им тела суть лишь части сложного целого, каждой из коих назначена своя особая роль во всей совокупности жизненных функций. Ведь и физическое наше тело само по себе уже сложно. Оно одно состоит из материи различных степеней плотности, каждая из коих есть не только его часть, но имеет и очертания его. Во первых там есть очень плотная материя — кости. Из них образуется скелет, служащий основой всему остальному, и имеющий вид человеческой фигуры, но скелет не есть ещё тело. Затем есть материя совершенно другого свойства, которую мы зовем плотью. Она так же дает вид человеческой фигуры, но далеко ещё не представляет собой всего человеческого тела. Далее существуют нервы. Если сделать рисунок нервной системы, где каждый нерв был бы показан на своём месте, то у нас получится точное очертание человеческой формы. Но и нервы эти не есть ещё тело человека, а лишь часть его, имеющая своё специальное назначение. Наконец, есть и

жидкость, называемая кровью. Если бы можно было внезапно прекратить кровообращение и заморозить всю кровь даже до мельчайших жилок, а затем каким-либо чудом удалить из тела всё, что не кровь, то оставшаяся кровь в точности обрисовала бы фигуру человека. Но, если кровь и имеет в совокупности своей форму человека, она ещё не есть человеческое тело. Чтобы было физическое, нормальное тело человека, требуется и все остальные части, и при том так, чтобы они были известным образом переплетены между собою, и чтобы каждая из них выполняла своё назначение.

Так вот, такой же ошибкою было бы считать за физическое тело любую из этих отдельных, каждая с особым назначением, частей его, как считать и каждое из тел человека (физическое, астральное, ментальное, каузальное) за самого человека. Так же, как физическая материя всех этих различных степеней, каждая со своей определенной деятельностью, со дня рождения до гробовой доски, требуется для образования физического тела, для существования механизма, коим человек мог бы проявлять себя в физическом плане, так требуются различные тела для выражения человеческого “Я” в трёх мирах, где одновременно протекает наша жизнь. Физическое, астральное, низшее ментальное и каузальное тела должны быть мыслимы, как четыре отдельные части и секции одного общего целого, но отнюдь не как сам человек, тогда как человеческое “Я” есть индивидуальная часть мирового сознания, действующего во всех их.

Другой способ, коим можно добиться кое-какого успеха в освобождении себя от той же иллюзии, это — припомнить, что физические чувства суть лишь ненадежные толкователи действительности и вводят нас в заблуждение относительно самых простых вещей. Физические чувства говорят нам, что Земля неподвижна, а что Солнце и Луна ходят вокруг неё. Нам приходится опираться на разум, производить измерения приборами и делать тщательные сопоставления различных фактов, прежде чем мы сможем освободиться от этого обмана физических чувств; многие от него так вообще и не могут отделаться. Если посмотреть на ровный шест, лежащий на отмели одним концом и в воде — другим концом, то глаз известит нас, что этот прямой шест согнут в том месте, где он входит в воду. Если два поезда стоят друг против друга и мы сидим в одном из них, то когда потихоньку приходит в движение чужой поезд, глаз нам делает должное донесение, что пошел наш собственный поезд. Если скрестить указательный и средний пальцы и покатаить между концами их какой-нибудь шарик, то чувство осязания ложно доносит нам, что катаются два шарика, а не один. Можно привести много фактов и случаев в доказательство крайней ненадежности свидетельств физических чувств. Изучающий оккультизм должен твердо помнить, что если физические чувства обманывают нас в таких делах, то ещё больше обманывают они нас в других, важнейших.

Ведь можно же путем представления в уме шаровидности Земли и вращения её вокруг Солнца совершенно отделаться от того понятия, что Земля неподвижна и плоска, так что это последнее будет уже казаться неестественным и диким, так же можно мыслить о переплетенности и взаимопроницаемости различных тел, в коих живёт и действует человек, пока старая иллюзия не исчезнет и не будет больше беспокоить его. Физическое тело станет для него действительно только орудием, которым человек пользуется, ковчегом, который служит ему для передвижения и для общения с другими в повседневной жизни. Медленно, но верно, этот факт установится в его сознании и тогда человек сможет сказать, что сделал первый шаг на пути отличия реального от нереального, существенного, действительного от кажущегося.

ОШИБКИ, КОИХ СЛЕДУЕТ ОСТЕРЕГАТЬСЯ

Когда перед изучающим Теософию начинает развёртываться вся мощь и красота её учения, обновляющая жизнь тех, кто следует её правилам, то естественно, что в нём загорается восторженное желание заинтересовать теософией и других, или что он проникается чувством сильной приверженности к ней. Но в этом направлении таится незаметная опасность — опасность впадения в догматизм, и как следствие — заглушение духовного роста. Кто впадает в такую ошибку, тот кладёт конец собственному прогрессу.

Верно, что Теософия есть изучение жизни столь всеобъемлющее в высшем своём достижении, что оно включает в себя все религии. Но уже одно это должно научить занимающегося теософией самой широкой терпимости, отнюдь не внушая ему, что Теософия есть единственное, что необходимо для спасения мира.

Не следует забывать, что пока кто-нибудь не достиг определенного пункта человеческой эволюции, Теософии для него быть не может, не может быть даже настолько, чтобы остановить на себе его внимание, и что он поднимется до этого пункта через какое-либо религиозное или философское течение, откуда, наконец, выйдет к теософии. Поэтому существующие моральные и интеллектуальные движения разного рода, коими полон мир, могут рассматриваться по отношению к Теософии так же, как подготовительные школы всяких наименований по отношению к университету. Если бы изучающий Теософию вздумал утверждать, что следует заменить Теософией религии всех наименований, и что Теософия есть единственная вещь, требующаяся для человечества, то это сильно было бы похоже на то, чтобы настаивать на немедленной же замене всех подготовительных училищ университетами. Одна из лучших красот Теософии есть именно её широта и терпимость; и только тогда возможен прогресс для приверженцев её, когда они руководятся именно этим духом терпимости.

Теософия не требует приверженности. Она прокладывает себе путь разумностью своею, а не горячностью, с которой её навязывают.

Предрасположение к слишком настойчивому спору за хорошие стороны Теософии есть та самая ошибка, которой нужно обязательно избегать. Нам нужно только наблюдать за каким-нибудь поклонником той или иной ортодоксальной (правоверной, православной, древней и т. п.) религии, когда он брызжет слюной за превосходство её в пылком споре, чтобы убедиться, как это мало действует на его противника, столь же твердо убежденного в верховенстве *своей* веры. Ни тот, ни другой ничему не научаются, и только обоюдно удивляются, почему другой мешает ему говорить.

Так вот, изучающий оккультизм никогда не должен позволять себе впадать в такое враждебное расположение ума. *Это настроение и закрывает ум для истины.* Отличительной чертой изучающего оккультизм должно быть настроение как раз обратное этому. Он обязан всегда быть готовым признать истину. Ему следует всегда ловить и понимать новую мысль, новую точку зрения на тот или иной факт. Он не должен вести себя, как поборник того или иного определенного учения, всегда готовый яростно защищать таковое и с подозрением относящийся ко всем новым идеям или явлениям, ибо первое, что они вызывают в нём — это чувство страха за излюбленное верование. Первый вопрос должен быть не “поддерживает ли данная новая идея мою теорию?”, а “правильна ли она?”. Распознать истину, когда она встретится, можно только при этом настроении ума; а ведь изучающий оккультизм — есть прежде всего искатель истины. Ему нечего опасаться какого-либо противоречия между своими верованиями и фактами действительности. Он знает, что если появляется разногласие, то это значит, что он неправильно понял либо теософический принцип, либо сам факт. Тогда он принимается за

мыслительную работу, чтобы найти решение загадки сообразно истине. Это и есть путь роста его мудрости и понятливости.

Существует еще и другая ошибка, которой нужно опасаться даже ещё больше, нежели склонности к воинствующему догматизму в защите своих верований. Предупредить её ещё труднее, ибо корень её лежит ещё глубже в природе человека. Это — чувствительность к выпадам против своей личности, которую тогда принимаются выгораживать с таким воодушевлением, что на суть этих выпадов обращают уже мало внимания, а то и совсем не обращают. Это самая распространенная ошибка, и при том самая вредная для себя же самого. Ею также создаётся такое направление ума, которое закрывает туда доступ истине, иногда особенно нужной и полезной. В оккультизме существует аксиома, что “всякое соприкосновение есть удобный случай”. Поэтому верна и та мысль, что всякое соприкосновение с другим лицом даёт нам учителя, но мы по большей части глупо отвергаем всякое поучение, раз оно затрагивает наше тщеславие или гордость. Настоящий оккультист всегда готов учиться всё равно от кого: от ребенка или от мудреца. Он старается держать ум свой открытым, старается быть всегда внимательным, всегда готовым к принятию истины, вне зависимости от источника её и того, как она повлияет лично на него. Он не только с радостью встречает критику, но и самого критика ценит как друга и учителя. Если он мудр, то из критики извлечет полезный урок для себя. Он спокойно продумает и постарается понять точку зрения критикующего. Если он увидит, что для критики было достаточное основание, то он немедленно примется за работу, чтобы устранить таковое. Если он не сможет найти основания и придёт к заключению, что критика была несправедливой, то он припомнит, что ведь и ему приходилось неправильно судить о других и постарается сам впредь быть осторожнее и осмотрительнее. Неразумная приверженность к нашим верованиям закрывает от нас истину, а догматизм прекращает наш дальнейший прогресс. Глупая чувствительность к личным уколам тоже закрывает ум для доступа истин и заставляет нас цепко держаться именно за те самые ошибки, которые препятствуют нашему духовному развитию.

ПУТЬ ВЕРНЫЙ И ПУТЬ НЕВЕРНЫЙ

Старые пословицы часто содержат великую мудрость. Поэтому-то они и стары. Если бы в них не было этой мудрости, то они умерли бы ещё в молодости. Но они живут века потому, что они являются хорошими учителями. Их возраст равен их полезности. И особенно к одной из этих пословиц начинающий оккультист должен отнестись с уважением. Вот эта пословица: “Тише едешь — дальше будешь”. Это мудрое предупреждение против ненужной торопливости. Это — сознательное указание на тот факт, что не умно “брать на перекоски” к известному конечному пункту назначения, вместо того, чтобы ехать по хорошо укатанной дороге, что желание выгадать время в конце концов ведет за собой не только потерю этого самого времени, но даже грозит катастрофой. Так вот не существует, быть может, другого рода деятельности, где пословица эта была бы более верной, чем в оккультизме. Естественно, что начинающий оккультист сильно жаждет развития психических сил и горячо желает получить дар ясновидения; и, конечно, эти стремления могут искушать его сойти с длинного, но верного пути. Похвально желать раскрытия внутренних способностей, чтобы иметь возможность лучше работать и приносить пользу для эволюции человечества, но было бы горьким несчастьем поставить такое раскрытие самодовлеющей целью и в погоне за ним потерять из виду вещи более важные. Подобные желания и стремления раскрытия сил только ради раскрытия могут заманить неопытного человека на окольный путь

искусственного развития, а оттуда — в омут тоски и уныния, лежащий в конце такого пути. Будьте довольны тем путем, который ведет вас ввысь, хотя он и лежит через утесистые горы и хотя подъём по нему медленен и труден. В результате это будет всё же скорейший путь. Это же простой и ясный факт, что есть вещи неизмеримо более важные, чем развитие в себе ясновидения. Без них ясновидение окажется оружием опасным для самого обладающего им. С ними внутренние силы придут сами собой, как естественное следствие, они развернутся, как раскрывается цветок перед лучами восходящего солнца.

Психические силы, проявление коих озадачивает столь многих и кажется им столь чудесным и желанным, как, например, способность узнавать чужой характер, знать частью прошедшее или частью предсказывать будущее, имеют лишь незначительную и неверную ценность. Редко (и даже почти никогда) обладатель таких сил может иметь власть над ними, и по сравнению с высшей ступенью ясновидения, имеющей применение в оккультных исследованиях, силы эти значат столько же, сколько пузырек в оконном стекле, случайно увеличивающий видную через него звезду, по сравнению с телескопом астрономической обсерватории, скользящим по небу с математической аккуратностью. Такие меньшие психические способности столь же мало значат для развития духовности, сколь, например, способность гипнотизировать; обладать ими может безразлично и злой, и добрый. Главная их заслуга, пожалуй, состоит в том, что они служат к возбуждению интереса к оккультизму и побуждают к исследованиям, удаляющим людей от материализма. Даже если бы начинающий оккультист с опасностью для здоровья и с риском уготовить себе несчастную карму, которая может приостановить его высшее развитие на несколько перевоплощений, и добился этих меньших психических способностей, то они мало помогут ему в усилении его познавательных способностей.

Не имея подготовки, необходимой для умения производить точные наблюдения и истолковывать действительное значение явлений, он будет практически в том же положении, в каком оказался бы совершенно необразованный человек, попавший в химическую лабораторию. Для достижения таких низших психических способностей ему придется затратить массу времени и труда, которые принесли бы гораздо лучший результат, если бы их применить в другом направлении, где от них получилась бы для него польза постоянной и величайшей ценности. Значение кое-каких психических способностей, демонстрируемых иногда ясновидящими типа гадалыщиков, и применяемых, главным образом, для целей наживы, крайне преувеличивается. Нам делают два-три правильных указания, и у нас уже создаётся ошибочное представление, что гадалыщик видит всё наше будущее и может совершенно свободно предсказать любую часть его. В то же время мы мало обращаем внимания на те вещи, относительно коих гадалыщик совершенно заблуждается — так сильно на нас действует то, что им было указано правильно.

Подлинная ценность этого рода ясновидения или медиумизма едва ли выше ценности хиромантии. Опытный хиромант без всякого ясновидения по раскрытой ладони может сказать почти столько же из прошлого и будущего человека, как лицо, обладающее этим низшим психическим развитием, и при том, с меньшей вероятностью ошибок. Конечно, ясновидящий даже низшей степени указывает факты несколько иного рода, чем искусный хиромант, даёт, быть может, несколько более деталей, но всё же сведения его несколько не удивительнее, и уже вовсе не точнее или ценнее. Имея ввиду, что никакой действительной ценности не приобретается, но что всегда есть возможность потерять прочное многое в усилиях заполучить непрочное малое, ясно, что было бы порядочной глупостью тратить энергию и время на такое развитие. Этот путь, который “поскорее”, пробовали уже многие, и пробовали к своему великому огорчению. Это иногда бывает путь особого рода дыхательных упражнений, иногда какой-то другой; бывает, что удаётся

получить дар астрального зрения, а с ним вместе расстройство нервной системы, здоровья и счастья на весь остаток данного воплощения.

Случается, что искусственно вынужденное ясновидение уводит человека в общение с низшими подпланами астрала, и несчастный экспериментатор к ужасу своему открывает, что не может властвовать над своею новой способностью и должен против своей воли созерцать гнусные вещи.

Тогда он открывает, уже слишком поздно, что он поступил неумно, заторопившись, и что совершил нечто худшее, чем простую растрату времени. Он не только не нашел действительно скорейшего пути, но запутался в таких трудностях, которые могут серьёзно помешать ему даже и на верной дороге, когда он, наконец, поймет свою ошибку и решится вступить как следует на настоящий путь. Каков же, однако, этот путь, которым скорее добраться до цели?

Это — развитие духовной природы человека, и если такой путь и кажется медленнее, то лишь вследствие ошибочного представления о якобы существующем более скором пути. Правильный путь заставляет обращать внимание всецело на духовность, а не на психические способности. На каждое отдельное воплощение нужно смотреть не с точки зрения возможности применить свои силы, а с точки зрения общего и постоянного блага для своего человеческого “Я” на протяжении многих воплощений. Другими словами, нужно считаться со всем путешествием, а не с каким-либо отдельным перегоним от станции до станции, отказываясь жертвовать счастьем будущего в пользу капризного настоящего. Пусть начинающий оккультист никогда не забывает необходимости считаться со многими, а не с одним только воплощением, ибо иначе все возможности к развитию будут для него весьма ограничены и сужены. Он должен отделаться от мысли, что смерть есть конец его планам, а стараться приучить себя думать, что смерть есть лишь простая случайность, простая перемена, наподобие того, как конец данной задачи или полчаса сна после обеда означает собой тоже только перемены деятельности в течение дня. Нужно непрестанно помнить, что смерти нет, что есть только различные состояния сознания, и что тот, кто работает по определенному связному плану эволюционного развития, может следовать ему из одного воплощения в другое, подвигаясь таким образом вперед со всё возрастающей и возрастающей скоростью. Следует думать и составлять планы на дальнейшее будущее и никогда не ограничиваться в этом лишь несколькими, быть может, немногими оставшимися годами данного воплощения. Итак, имея целью результаты не временные, а вечные, обратим внимание наше на духовное развитие, на изживание у себя дурных свойств характера, на очищение низшей природы, на приведение всей деятельности бодрствующего сознания в гармонию со своими высшими идеалами. Это и есть тот самый, кажущийся более медленным, путь, который на деле есть путь наиболее скорый и верный. По этому пути мы можем идти со всей быстротой, с какой нам хочется. Скорость нашего движения вперед будет зависеть всецело от той энергии и серьезности, которые мы вложим в нашу работу. И когда наступит час, или точнее, когда будет достигнуто надлежащее внутреннее состояние, то астральное зрение появится, как естественное следствие. Тогда оно будет благословением, а не проклятием. Одну вещь жаждущий духовного развития должен не забывать никогда: это то, что он работает не один. Возможно, что значительное время он не будет даже предполагать, чтобы кто-либо на свете имел малейший интерес в его усилиях. И это к лучшему, ибо один из уроков, кои предстоит ему выучить, заключается именно в умении быть одиноким и настойчивым. Но факт, что каждое стремление известно, и что за каждым усилием имеется наблюдение, остаётся фактом. Стремящемуся вперед подаётся помощь ровно настолько, насколько это требуется и задолго до того, когда серьёзный начинающий оккультист начнет замечать это в бодрственном своём сознании, преподавание ему уже

идет во внутренних планах во время сна. Без такой помощи духовный прогресс был бы практически невозможен, и чрезвычайно важно знать, что мы будем получать помощь ровно постольку — поскольку мы её заслуживаем. Между тем, мы заслуживаем её ровно в той степени, в какой сами оказываем её. Вот почему “забыть о себе в служении другим” есть путь более мудрый, нежели тратить время и энергию на развитие психических способностей для личного удовлетворения, положительно не имеющего подлинной ценности для других. От оккультистов, более продвинувшихся вперед, мы знаем, что наибольший прогресс совершается человеком именно в те моменты, когда он меньше всего думает о себе. Старайтесь изо всех сил принести пользу и заслужить, а не хлопотать о приобретении занятых способностей и якобы вытекающего из них личного удовольствия. В то время как развитие ясновидения привлекает столь многих, мы редко слышим, чтобы кто-либо спрашивал, как развить интуицию (прозорливость), являющуюся гораздо более важной. Развитие интуиции состоит в просвещении своего низшего “я” светом “Я” высшего, оно достигается чистотой жизни и направлением мыслей на высшее.

Интуиция идет с высот внутренних миров из источника мудрости.

Она есть способность подняться духовно столь высоко, ввести в физическое сознание столь безошибочное внутреннее прозрение, что именно к ней и следовало бы стремиться изучающему оккультизм, вместо развития психических сил.

Когда постигается искусство властвовать над своими мыслями и желаниями и очищать их, пробуждение психических сил придет само собой.

“Все вещи приходят сами к тому, кто умеет ждать” и работать. (Английская и французская поговорка — пер.).

ТЕРПИМОСТЬ

Развитие в себе широкой терпимости обязательно для того, кто хочет иметь умственный и нравственный прогресс. Нетерпимость сковывает дух. Она возводит барьеры между нами и другими, и затемняет зрение, вместо того, чтобы просвещать понимание. Она ограничивает для нас возможности и суживает поле для нашего опыта. Между тем, опыт есть великий учитель — искусный преподаватель в школе эволюции. Опыт делает для нас эволюцию доступной, позволяет нам достигать высших ступеней развития. Разница между невеждою, подлецом и развратником с одной стороны и между просвещенным, благородным и утонченным человеком с другой, есть лишь результат их мышления и чувств, возбуждаемых в них выпадающим на их долю опытом.

Взаимодействие между мышлением и опытом играет большую роль в выработке характера. На низшей стадии развития опыт вызывает работу мысли и мы получаем неожиданный урок, выводя из опыта умственные заключения. Например, когда мы выходим на холод без соответствующего одеяния и вследствие этого получаем страдание, то, разумеется, потом мы хотя бы немного продвигаемся на пути развития осторожности. На высшей же ступени развития мышление предшествует действительности и мы намеренно ищем в себе, что у нас нуждается в укреплении; мы намеренно ищем такой обстановки, которая требуется для развития того или иного желательного качества. Так, например, решив, что у нас мало развито чувство сострадания, мы специально развиваем его, посещая больных и обездоленных. Но всё равно предшествует ли или последует опыт, он есть необходимое условие человеческого прогресса и душевного развития; и всё, что

становится между нами и возможностью иметь опыт, замедляет нашу эволюцию. Хотя самую бросающуюся в глаза форму этого порока является нетерпимость религиозная — мы говорим порока, ибо и это название недостаточно ещё крепко для вещи, столь пагубной для блага человечества — мы не должны забывать, что в человеке среднего уровня имеется нетерпимости в той или иной форме гораздо больше, нежели нам хотелось бы допустить. Это мертвящая нравственная тень простирает свои ветви во многих направлениях. Существует нетерпимость расовая, нетерпимость национальная, классовая и, между прочим, особо коварная, всеобъемлющая в своем дурном действии и более всего распространенная форма нетерпимости — высокомерие. Это оно заставляет человека ошибочно выставлять на показ слабости других и не замечать слабостей собственных. Многие уже переросли за эту ступень развития, когда не любишь другого только потому, что он принадлежит к другой расе или имеет другой цвет кожи; многие уже достигли того просвещения, которое позволяет им смотреть на человека другой нации одинаково, как и на своего соотечественника; многие уже научились не питать неприязни к другому только потому, что он из другого класса общества, выше по положению, или ниже по положению, как случится; многие, несмотря на собственное положение, добрались до понимания, что все люди образуют единую человеческую семью; многие уже стали смотреть ровно и на богатейшего из богатых и на беднейшего из бедных, на ученого и на неуча, видя в них всех лишь различных членов мирового семейства, каждый из коих заслуживает самого вежливого внимания. Многие, повторяю я, способны на всё это и всё же, когда дело доходит до нравственных слабостей, проявляют вдруг такое высокомерие, которое сразу становится для них препятствием их духовному прогрессу. Для них, оказывается, существуют определенные формы или типы нравственных слабостей, с которыми они совершенно не желают иметь никакого дела, как равно и с теми их несчастными братьями и сестрами, которые такими слабостями страдают и в отношении коих они тогда принимают позу гордого презрения. Много людей с широким умственным кругозором и прогрессивными взглядами считают вора или дегенерата недостойными внимания; много свободомыслящих и добрых женщин смотрят на своих падших сестер с равной нетерпимостью и брезгливо подбирают юбки, когда проходят мимо них, не скрывая своего высокомерия. И тысячи из нас, которые готовы сейчас же осудить религиозную нетерпимость ханжи, остаются слепы к тому, что мы сами проявляем равную нетерпимость, когда дело коснется чего-либо иного. И вот, когда мы преодолеем самые обычные формы нетерпимости, и станем пригодны для более высокой работы над преодолением также более тонких форм её, то великие духовные уроки будут получены нами именно через тех людей, перед которыми нетерпимость заставляет нас закрывать врата нашего сочувствия. Если мы не поставим между нами и ними преграды нетерпимости и тем не изолируемся от них окончательно, если мы, таким образом, не сузим поле нашего опыта глупыми предрассудками, то мы увидим, что из оказываемого им нами сочувственного внимания для нас проистечет более широкая мудрость, нежели та, которую мы ныне имеем.

Великий труд, предстоящий каждой развивающейся душе, есть не менее как понимание жизни во всех её формах и разновидностях, понимание Вселенной и развитие сочувствия; и всякое препятствие на этом пути нужно смести прочь. Позволить затаенной нетерпимости ограничить и ослепить нас в раскрытии нашего духа было бы равносильно тому, как если бы кто-либо стремился бы стать великим художником и, вдруг, настолько ненавидел бы краски некоторых цветов, что совершенно не желал бы иметь с ними дело. Этим он исключил бы из художественного своего развития такой важный фактор, что этим несомненно нанес бы роковой удар своему окончательному успеху и свел бы на нет всю свою работу этим глупым предубеждением до тех пор, пока не отделался бы от него окончательно. Может быть красный цвет не так приятен, как голубой или наоборот, однако же оба являются результатом разложения призмой чистого белого светового луча

и каждый из них необходим в гармонии цветовой гаммы. Так и каждая человеческая личность есть результат попыток проявить врожденную божественную сущность посредством действия через материю, и такие различные проявления следует изучать и понять прежде, чем мы сможем уяснить себе гармонию целого.

Между нетерпимостью и высокомерием есть самая тесная родственная связь, и высшие духовные авторитеты указывали на тонкое зло, сокрытое здесь. Может быть не один добрый человек дивился словам Христа, когда он горько упрекал фарисеев и мешал их в одно с мытарями и грешниками, заявляя даже, что последние гораздо ближе к царствию небесному, нежели высокомерные. Однако оккультисту эта истина должна быть столь же ясной, как свет солнечный. Чувство обособленности есть высший грех из всех грехов и самый трудный для преодоления. Те самые грешники, от которых в ужасе отступали высокомерные, несомненно имели сердечную сторону своей природы гораздо выше развитой, нежели их гордые критики, и хотя по временам выказывали предосудительные нравственные слабости, но по естественному ходу вещей развились бы несравненно скорее, чем успели бы освободиться от именно данного своего порока те самые, которые смотрели на них с презрением. Или, говоря иначе, народ именно потому и считает грешников грешниками, что они проявляют грех свой в низшей форме, доступной распознаванию толпы, тогда как высокомерные имели грех более тонкий, неуловимый для толпы, а потому и более вредный.

Почему же нетерпимость столь опасна? Во-первых потому, что выставляя недолжным образом на показ грех, за исключение коего проводится безжалостная и неосмотрительная борьба, мы становимся слепы к тем хорошим качествам, кои в каждом имеются, и тем самым становимся закрытыми как раз для того, что мы должны всегда искать, что мы должны ставить на первый план и поощрять. Смотря только на одно какое-либо дурное качество, мы позволяем ему так нас загипнотизировать, что наша здравая способность суждения уже теряет свое равновесие наподобие того, как гипнотизирует человека черное пятно на стене, если он смотрит только на него до утомления известных мускулов. Так и проявляющие нетерпимость вызывают у себя паралич познавательных способностей и становятся слепы к хорошему. Чтобы избавиться от нетерпимости, нужно памятовать, что вся жизнь едина, окружающие нас суть буквально мы сами в другой форме, что на высокой точке во внутренних планах сознание едино.

Мы — индивидуумы, и всё-таки мы составляем единое целое, как пальцы на руке, из коих ни один не может пострадать без того, чтобы боль его не передалась сознанию, управляющему всеми пальцами вместе. Мировое “Я” выражается во многих формах, каждая из коих выявляет лишь частицу сознания единого; и если какое-либо из этих по-видимому отдельных “Я” смотрит на других “Я” с высокомерной нетерпимостью, то этим наносится утончённая боль, и действие это можно уподобить тому, как если бы одна рука причинила рану другой.

В избавлении себя от нетерпимости, в сламывании разъединяющих перегородок много помогает намеренное искание хорошего во всех и во всём; памятование, что *нет* такого существа, у которого не было бы своих хороших качеств. У всех есть и хорошее и плохое, и сила и слабость. Вся разница только в том, что у каждого слабости выражаются по-своему. Некоторые слабости считаются хуже, чем другие — вот и всё, этим и определяется кодекс морали. Один грабит незнакомого человека, но за друга готов жизнь свою положить, другой живёт по закону, но улизнёт, как только почует себе опасность, предоставив своих друзей гибели. Тот не может бороться с бутылочкой, но всегда ко всем ласков; а другой в рот хмельного не берёт, но исподтишка язвит и злословит о своём же приятеле. Один вспыхивает, как порох, не постоит и за кулачной свалкой на улице, но

скоро отходчив и через минуту жмёт руку противнику. Другой не позволит ни за что себе такого неприличия, но если его заденут, начинает срывать свою злобу на зависящих от него существах, чем блестяще доказывает свою трусость. И так идёт сплошь у всех. Многие слабости, главным образом, потому так не нравятся, что они слишком уж поверхностны, и как правило тот, кто больше всего выказывает нетерпимости к недостаткам других, как раз сам обыкновенно бывает нравственным уродом в чём-либо ином. Но всё же доброе и хорошее есть во всех; даже и в тех, кто страдает нетерпимостью. Терпимость же — одна из лучших добродетелей и она — краеугольный камень в нерукотворном храме. На ней придётся основываться всем другим, которые ещё нужно приобретать. Терпимость предшествует просветлению, как утренняя заря предшествует восходу солнца. Она рассеивает мрак невежества, в коем мы пребываем относительно других и освещает путь к примирению. Это врата во всемирное братство. При терпимости не может быть жестокости. Она есть вестник милосердия и обетование расцветающего чувства сострадания.

ЧИСТОТА

Слово, которое имеет большое значение в оккультизме, — это чистота. Нам приходится часто встречаться с ним, ибо где нет чистоты — там нет и духовного прогресса. Стремление к чистоте одно из неперемennых условий высшего развития. Без неё не может быть действительного духовного просвещения, вне зависимости от наличия всех остальных качеств. Существенная разница между духовно развитым человеком и человеком мирским состоит в том, что жизнь последнего сосредотачивается преимущественно в области физических чувств, страстей и порывов. Это — триумф материи. По мере того, как эволюция идёт вперёд, как путём последовательных воплощений накапливается опыт, начинает выявляться ментал, и этот последний становится, наконец, центром жизни человека, причём умственные удовольствия получают перевес над физическими. Наконец, и те и другие побеждаются радостями духовными. Но долго, долго тянутся периоды, когда человек понемногу поднимается с одной ступени на другую; и когда в нём загорается заря следующей ступени развития, старая и низшая ступень всё ещё крепко держит его. Когда человек поймёт, что он может работать согласованно с природой для ускорения собственной эволюции и обратит своё внимание на определённый путь для достижения этой цели, он вступит в борьбу со своей натурой низшей ступени, и длительность этой борьбы зависит от серьёзности его не менее, чем от его силы.

В тот момент, когда жаждущий высшего человек открывает, что его старая жизнь чувствами есть для него нежелательное рабство, когда перед ним начинает мерцать свет чего-то лучшего и высшего, нежели она, когда он решает добиться этого, то, вероятно, его удивит крепость старых оков, которые всё ещё висят на нём. У него может быть аппетит кое на что, и он рад бы от него отделаться, но временами этот аппетит появляется с поразительной силой. Страсти, которые он воображал уже умершими, оказываются только спавшими. Порывы чувств, над которыми он полагал, что властвует, вдруг вспыхивают без малейшего предупреждения и лишают его равновесия. Оказывается, определённые категории нежелательных мыслей, от коих он надеялся, что навсегда избавился, вдруг появляются в уме против его воли.

Почему же несмотря на абсолютную чистоту побуждений к поднятию себя над низшей природой, несмотря на искреннее желание высшей жизни, несмотря на серьёзность усилий добиться этого — почему же не идёт к нам быстрый успех? Почему, несмотря на

сознательное понимание нами всей необходимости такой перемены для нашего же счастья, несмотря на самое набожное стремление совершить её, почему нужна ещё бдительная борьба за это? Потому, что препятствие лежит не в нас самих, а в тех телах, в коих мы обитаем. Высшее человеческое “Я” решает стремиться к высшей жизни. Ему удаётся в этом смысле повлиять на наше бодрствующее сознание — возбудить желание вырваться из рабства низшей природы. Однако, приходится считаться с телами, а их нельзя изменить за один день. Сами по себе они являются вместилищем того, что обычно зовётся “грехом” — они являются кремлём низшей природы. И этот кремль нельзя взять приступом, его можно одолеть только осадой.

Процесс очищения есть процесс перемены материи, образующей физическое тело и его невидимое соответствие, перемены столь же буквальной и реальной, как полная перестройка дома, делающая его совершенно иным жилищем. Уже само желание добиться высшей жизни знаменует собой начало работ по перестройке. Но как было бы немислимо внезапно разломать дом и столь же внезапно перестроить его заново, и как всякая желательная перемена может быть произведена лишь в потребное для сего время, так и всякая перемена в нас самих, какую мы могли бы вообразить себе, требует соответствующего времени. Мы не можем разложить в несколько дней те слои, что так долго накладывали друг на друга. Наша борьба идёт против автоматизма, созданного нами же. Материя астрального тела за долгую практику приобрела привычку в определённых обстоятельствах действовать определённым образом, несмотря на самое наше искреннее желание воспротивиться ей. Если человек долгое время позволял вспыхивать в себе яростному гневу при малейшем к тому поводе, и если он решается не делать этого больше, то доброе решение его, конечно, поможет тому, что временно он будет владеть собой. Но когда тотчас же вслед за таким добрым решением вдруг со стороны кто-нибудь вызовет его ярость, то его астральное тело ответит на вызов прежде, чем он сам узнает, что такое случилось. То же и с ментальным телом. Уж как бы ни хотел человек сохранить чистоту ума, грязная мысль, которую он часто лелеял ранее, вдруг вспыхивает в мозгу его рядом с какой-нибудь другою, так или иначе могущею быть с нею поставленной в связь по старой привычке мышления.

Хотя очищение низшей природы своей не совершается моментально, и хотя придётся встречаться и с падениями в усилиях своих жить согласно поставленному себе идеалу, окончательное торжество человека в этом обеспечено, если только у него будет разумная настойчивость и серьёзность, вместе со знанием того, как нужно действовать. Не должно иметь такого чувства, что стараешься избежать чего-то нежелательного и унижительного. Отнюдь не следует давать уму такого направления. Ему нужно давать направление противоположное — он должен быть занят высокими и чистыми мыслями. Не нужно делать умом усилие сокрушить прежний порядок мышления. Нужно сделать так, чтобы этот порядок был *вытеснен* мыслями противоположного характера. Если решительно направить ум против какой-либо нежелательной вещи, то этим вы вошьёте новую жизнь и силу сопротивляемости как раз в эту самую вещь. Непротивленство и здесь имеет силу, как и везде: “Не тронь собаку, когда спит”.

Хорошо бывает тоже помнить, что окружающее общество и обстановка имеют большое значение. Возьмём человека, который собрался что-нибудь преодолеть в себе — скажем, бросил пить или бросил есть мясо, ибо что верно в отношении этих привычек, то будет верно и в отношении других желаний низшей природы. Вот он не пьёт и не ест мяса уже порядочно времени и уже воображает, что эти привычки умерли, и вдруг в кругу старых приятелей они вновь встают в нём. С обстановкой тоже приходится считаться. Пока не почувствуешь себя настолько окрепшим, чтобы толкаться между старыми искушениями и абсолютно не поддаваться им, будет умнее пока держаться от них возможно дальше.

Человек, который борется с привычкой к пьянству, пусть лучше не увеличивает себе трудность тем, что будет жить бок о бок с кабаком. Кто хочет очистить ум, пусть держится подальше от столь широко рекламируемых зрелищ определённого характера, в коих под маской высшего драматического искусства публике прививается сладострастие.

Достоин удивления, какую живучестью обладают наши низменные желания, как цепко они держатся и как утончённо маскируются в красивые покровы. Искусство призывается на помощь, чтобы придать им изящество, а ум служит, чтобы украшать их и поддерживать их в складной песенке или искромётном рассказике. У каждого человека бывают различные настроения и расположения духа. Бывают минуты, когда мы чувствуем прилив духовной силы, и тогда нам легко властвовать над своей низшей природой. Бывают, однако, и такие минуты, когда плоть во всём своём могуществе восстаёт против духа, и мы близко чувствуем опасность утратить равновесие и быть сбитыми с ног обратной волной. В такие минуты нужно твёрдо знать, что делать. Христианин прибегает к молитве, возносящей ум его ввысь от пошлостей. Оккультист же может направить мысль свою на Учителей Сострадания, хотя бы на Христа, коих он считает воплощением всего, что чисто и что свято. Он может заставить себя вспомнить слишком часто забываемый факт, что об его усилиях знают и за ним наблюдают, и что в стремлении своём к чистоте его не оставят без помощи.

Чтобы иметь успех в борьбе с низшей природой, нужно хорошенько усвоить себе всю опасность обращения ума, хотя бы на секунду, на грязные мысли. В этом всякая игра с огнём будет иметь губительные последствия, и спасение лежит только в моментальном придании уму другого направления, как только прежние мысли и побуждения проникнут в него. На это всё время указывается в оккультных книгах столь неизменной ценности, как “Голос Безмолвия”.

“Борись с нечистыми помыслами твоими прежде, чем они начнут одолевать тебя. ... Остерегайся, ученик, и не допусти даже тени их приблизиться к тебе”. Или:

“Одна единственная мысль о том прошлом, прах которого ты отряс от ног твоих, потянет тебя вниз, и тебе придётся опять с самого начала приступать к восхождению”.

Быть чистым — значит быть сильным. Чистота и духовная сила неразлучны. Без чистоты не может быть действительной мощи, даже мощи разума. В той самой мере, в которой низшая природа властвует над человеком, в той самой мере он слаб и физически, и умственно, и нравственно. Физическое, моральное и ментальное начала так тесно переплетены между собой, что естественно оказывают взаимодействие друг на друга. Поодиночке ни одно из них устоять не может, ибо фактически они все одно связанное целое, и польза или потеря одного есть польза или потеря всех вместе. Чистота и сила должны быть у всех их или ни у одного. Поэтому чистота есть буквально путь к могуществу, к силе, к знанию и к бессмертию.

ПРАВДИВОСТЬ

Правдивость, подобно чистоте, есть одно из непременных условий оккультного прогресса. Кто хочет познать высшую правду — тот прежде всего должен быть сам правдивым. Мы сможем понять реальное только тогда, когда сами здоровы, правдивы и искренни до глубины сердца.

Обычный человек мира, обыватель, мало сознаёт до какой степени он лжив. Он и думает лживо, и говорит лживо, и ему даже в голову не приходит, что он совершает что-то неправильное. Обычно он выставляет себя в ином свете, чем он есть на самом деле. Он всегда старается, чтобы о нём создалось впечатление лучше, нежели, как он сам знает, он того стоит. Жизнь его среди окружающих — сплошной маскарад. Чтобы помешать другим узнать о себе правду, он с лёгким сердцем лжёт, как только ему покажется это нужным в целях сокрытия истины.

Он и говорит, и поступает с таким расчётом, чтобы ввести людей в заблуждение и заставить их составить себе ложное понятие и о нём самом и о делах его. Он даже не может уяснить себе, что следует непременно, не взирая на обстоятельства, сознаться в своей ошибке или в неправильности своего суждения. Если разгласилась его ссора с кем-либо, то он не щадит труда, чтобы показать, как виновен во всём его противник, а отнюдь не он.

Если он распустил про кого-либо вредную сплетню, и затем сам убедился в ложности её, то вместо того, чтобы сколь можно исправить свою вину, он очень часто, даже слишком часто, думает только о том, как бы оправдать своё осуждение, разыскать какие-нибудь другие зловерные факты относительно своей жертвы, которые, по крайней мере, придали бы некоторую разумность его первой сплетне. Во всяком случае он не потерпит, чтобы кто-нибудь подумал о нём, что именно его то и следует винить в возникшем недоразумении. И когда у него возникают какие-либо противоречия или столкновения с другими, то он упорно закрывает глаза и уши той существующей в природе аксиоме, что каждая палка имеет два конца, что у каждой медали есть две стороны. Он слепо верит, что если он сумеет втереть очки, что он лучше, чем есть на самом деле, что уж у него не может быть ошибок и слабостей, то от этого ему будет польза. И если бы кто-нибудь ему высказал предположение, что подлинные его интересы были бы лучше всего ограждены полной его искренностью и правдивостью хотя бы в отношении самого себя, то он верно счёл бы это глупым советом.

Точь в точь как человек, имеющий несколько иной порок, и крадущий у другого кошелек, он тоже уверен, что он знает, где раки зимуют, и что прописная истина, будто лучшая политика есть честность, сделана только для дураков, но отнюдь не буквальный закон природы. Ему не приходит в голову, что обманув других, он сам завязывает себе глаза, сам затуманивает свою понятливость, сам притупляет в себе интуицию (прозорливость), что, надевая маску, сам он маскирует от себя те самые истины природы, которые необходимы для высшего его развития. Верно, что ему может иногда удастся заставить других видеть в нём человека лучшего, нежели он есть на самом деле, и что некоторое время он может почваниться ложной своей праведностью. Но за это пустое тщеславие он платит дурацки непомерную цену и либо в этом, либо в ином воплощении его постигнет, согласно закону возмездия, горькое унижение, необходимое для того, чтобы вновь пробудить его к настоящей жизни, низвергнув его с его ложного пьедестала. Тогда тщеславие его уравнивается унижением его и тем уничтожится; а он очнётся и увидит, что его лживость обошлась ему дорого, что он замедлил свой прогресс, и при том так, что лучше было бы для него даже совсем не знать ничего о высшей мудрости, хотя и это одно незнание само по себе уже достаточное несчастье.

На тех, кто был настолько счастлив, что соприкасался с проповедниками оккультизма и прямыми последователями Великих Учителей Мудрости, главное впечатление производят кропотливые предосторожности, предпринимаемые с целью воспрепятствовать неправильному пониманию их толкования действительных фактов.

Это показывает сколь велико чувство ответственности у тех, кто знает оккультные результаты малейшего соращения других с истинного пути. Сведущий оккультист вместо того, чтобы выставить себя лучше, чем он есть (в какую бы передрыгу он ни попал), предоставляет самой своей невинности защищать его, *даже если он совершенно безупречен*. Он отлично знает, насколько ничтожно значение того, что о нём в данную минуту думают, между тем как то, что есть на самом деле, имеет сверхъестественную важность. Он постарается сколь можно исправить всякое неверное впечатление, если этим не увеличат беды, но он не произнесёт ни слова и не сделает ничего для малейшего искажения истины, хотя бы за это получил похвалу и рукоплескания всего света. Чем больше кто знаком с оккультизмом, тем аккуратнее до самой малейшей степени становится он в отношении самых обыденных вещей, ибо он знает, что для познания истины необходима жизнь в Истине.

Кто-то изобрёл удобное и успокоительное выражение “ложь во благо”. Но оккультизм не знает такой лжи, он совершенно слеп ко всем оттенкам её. Лживость основана на обмане, а обман непростителен. Как, каким образом произвести обман — абсолютно безразлично. Можно, например, только улыбнуться или выразить на лице изумление, но этим ввести другого в заблуждение столь же успешно, как если бы ясными словами сказать ему голую ложь. Конечно, бывают нахалы, у которых хватает дерзости лезть к другим с такими вопросами, которые вовсе не их дело. Но жертва их любопытства вовсе не обязана удовлетворять их мозговую похоть, ещё менее обязана она навлекать на себя несчастье ложью для сокрытия того, что они знать не имеют права. Бывают случаи, когда рекомендуется абсолютное молчание, когда человеку предоставляется не обращать внимания на прямой вопрос, предоставляется отказываться произносить хотя бы одно слово по данному предмету.

Если отбросить в сторону наиболее очевидные формы лжи и фальсификации, которые едва ли нуждаются в пояснении, то остаётся ложь наиболее опасная — именно свою неясностью, именно свою скрытостью под условными обычаями вежливости.

Как легко, например, впасть в губительную привычку льстить другому и ложно говорить о нём приятные вещи, чтобы завоевать его расположение. Мы чрезвычайно восторгаемся его пением или работою, хотя отлично знаем, что в них нет ничего особенного, а этим мы развиваем в нём тщеславие, заставляем его придавать несуществующую ценность его талантам, а, может быть, и толкаем его на разные глупые попытки, до коих он ещё не дорос. Мы часто извиняем себе такую ложь тем, что она очень хороша для подбадривания. На деле было бы гораздо полезнее разобраться в том, что им достигнуто и указать ему, как в будущем стать лучше, а не хуже. Правда ему вреда не принесёт, если она высказывается дружески с сердечной симпатией, и если мы при этом руководимся не личным желанием нравиться, а бескорыстным желанием оказать помощь.

Наша обыденная жизнь также вся полна лживых, но установившихся условностей; она вся сужена и опошлена мелкими обманами; естественно, что она бесполезна в той самой степени, в какой лжива и пуста. Если что-либо тем или иным путём не направлено к достижению счастья живых существ, то этим не стоит заниматься. Тот, кто хочет, чтобы жизнь удовлетворяла его, должен настроить каждую мысль, каждое дело своё в унисон высшему человеческому “Я”. Он вновь должен приобрести искренность и правдивость детских лет, он вместе с тем должен развить в себе сочувствие до такой степени, чтобы оно отняло у этой искренности резкость и грубость. Он должен непременно следить за мыслями, словами и делами своими, дабы в них не было и тени лживости. Только тот может рассчитывать дойти до самого сердца мудрости природы и постичь её, кто может

жить совершенно открыто, искренне не скрывая никаких своих побуждений, не делая ничего украдкой, не пряча никаких своих мыслей.

БЕССТРАШИЕ

Бесстрашие есть нечто большее, чем храбрость. Человек, называемый нами храбрым, может быть далеко не бесстрашным. Рекрут, в первый раз идущий в бой, бледный, но решительный, называется храбрецом. Рассказывают, что когда Веллингтон увидел среди идущих мимо него на неприятеля войск молодого солдата с побелевшими щеками, дрожащего, но с решительным видом, он сказал: “Вот идет храбрый человек; он сознает опасность, но, не колеблясь, смотрит ей в глаза”. Но можно иметь храбрость идти на определенную опасность даже с большим вероятием погибнуть и всё-таки не быть бесстрашным. Совершенная свобода от страха отмечает собой высокую степень развития и указывает на большое знание, ибо на деле страх есть детище невежества. И именно в силу того, что страх есть детище невежества, храбрый в одном отношении может оказаться совершенным трусом в другом. Он сто раз может смотреть в глаза смерти, он может не обращать внимания на пули и шрапнельный огонь, но ни за что не согласится провести в одиночку ночь на кладбище. Один из французских королей, который встретил смерть на эшафоте с такой спокойной храбростью и достоинством, что заслужил общее восхищение, настолько оказался не имеющим твердости в других отношениях, что сам ускорил свое падение. С другой стороны, один известный бандит из первых дней Калифорнии, прославившийся дерзостью, погубившей много народу в налетах и грабежах со своей шайкой, имевший обыкновение так беспечно рисковать своей жизнью, как будто бы совсем не знал страха, умер в припадке неистового ужаса, когда, наконец, был пойман и повешен. Храбрец во всем другом может запраздновать труса при виде безвредной змейки. Другой ни за что не пойдет на сеанс материализации духа, третьих, наконец, вряд ли будет можно уговорить переночевать одних в заброшенном доме, где не всё спокойно. Все такие страхи исчезнут с увеличением знания. Кладбище не может быть страшилищем для того, кто знает, что мертвое физическое тело в отношении обитавшего его когда-то человека играет ту же роль, что его одежда, и что кладбище несколько не опаснее гардероба. Преступник, которого собираются лишить физической жизни, проигранной им возмущенной толпе, не запраздновал бы вдруг труса, если бы знал, что смерти нет и что после утраты физического тела, у него останется тело лучшее, чем физическое. Правда, что предстоящая жизнь в астрале будет для него не очень приятной, но страх его ведь всё-таки, по всей вероятности, обусловлен ожиданием полного уничтожения. Человек, трусящий явления материализации или появления призрака, быстро успокоился бы, если бы понял немножко больше из явлений и законов жизни в невидимых мирах. Он не побежал бы от призрака, если бы знал, что призрак есть временное скопление материи, столь же безвредное, как клубы дыма. Нам смешно, когда громадной величины слон впадает в пароксизм при виде мышки, но страх его ничуть не удивительнее множества других беспочвенных страхов у людей, причина коих лежит в невежестве.

Интересно и поучительно проследить влияние страха на физическое тело. Даже поверхностное наблюдение показывает, что действие страха крайне пагубно, тогда как обладание храбростью есть неоценимое качество в его собственнике. Внезапный испуг заставляет сжиматься сердце, приостанавливает кровообращение и делает лицо бледно-пепельным. Нет ничего удивительного, когда ясновидящие говорят нам, что эта эманация выражается серым цветом. Это вполне согласуется с тем, что мы знаем о выражении страха в мире физическом. Эмоция страха, по-видимому, тождественна со сжатием. Это — *уменьшение* жизни, а потому и жизнеспособности, это — стремление отделиться от

источника жизни. Страх есть лучший союзник болезни и смерти. Он действует разрушающим, разлагающим образом. Это по опыту известно каждому врачу, и поэтому доктора всегда стараются удалить чувство страха из ощущений своих пациентов. Доктора знают, что если удастся оживить надежду и возбудить мужество, то битва уже выиграна больше, чем наполовину. Ибо страх означает собой уменьшение жизненных сил, означает процесс сокращения жизни вместо расширения ее, он враждебен духовному росту. Врожденная божественность может найти себе выражение в атмосфере бесстрашия. Всякий род и степень страха есть враг роста и развития, а родов и степеней страха многое множество. Люди боятся бедности, боятся болезней, старости, несчастных случаев, боятся впасть в беспомощность, боятся потерять службу, потерять власть, потерять положение в обществе, боятся даже, что о них могут так или иначе подумать другие. У многих такой страх или даже совокупность разных страхов вызывает состояние вечной тревоги.

Повторяем еще и еще — причина всех таких страхов есть невежество. Трудность лежит здесь в усвоении себе фактов — в понимании истинного соотношения между явлениями и предметами, а отсюда и в осознании безвредности того, что иначе внушает ужас. Человек страшится призрака только потому, что приписывает ему несуществующую силу. Так и все остальные страхи столь же безосновательны и самые предметы их столь же бессильны вредить ему, если не считать именно страха, раз он допустит их внушить ему таковой. Всем вещам, коих человек опасается, он приписывает воображаемую силу вредить ему. Но чтобы приобрести бесстрашие, человек должен понять метод эволюции и сообразить, почему некоторые неприятности, вроде внезапной потери имущества, несчастий на суше и на море, одиночества в старческом возрасте и т. п. обрушиваются на тех или иных лиц. Он должен уяснить себе три вещи: во первых — с человеком ничего не может приключиться, если он сам не создаст соответствующих причин, во вторых — неизбежность приносит гораздо меньше вреда, если встречать ее спокойно, лицом к лицу, нежели если встречать ее в состоянии полной беспомощности от охватившего ужаса, и, наконец, — всякая беда чему-нибудь учит человека, и такой урок имеет в себе больше настоящей ценности, чем счастливое неведение. Из этого не следует, конечно, чтобы неприятные вещи были лучше приятных, но что они абсолютно необходимы для того, кто их испытывает. Если бы это было не так, то они бы не случались, да и не могли бы случиться. Когда у мальчика разболится животик, то, конечно, это не лучше, чем если бы он был здоровым, однако пока такой мальчик не сообразит, что вредно кушать неспелые яблоки, боль в животике даст ему урок, необходимый для его здоровья и благополучия в будущем. Если что-либо неизбежно, то ничего не добьешься, пытаясь от этого увернуться, если же неизбежное несет для нас урок, как в будущем предупредить еще большее страдание, то, конечно, глупо жаловаться на него. Какой-то мудрец сказал, что есть два рода вещей, о коих он решил больше не тревожиться. К одному роду он причислил всё то, что от него зависело, а к другому — всё, что от него не зависело. Совершенно бесполезно беспокоиться о вещах первого рода и совершенно излишне беспокоиться о вещах второго рода. Немного здравого смысла — и демон беспокойства и тревоги оказывается окончательно изгнанным. Однако следует сказать и кое-что еще о страхе, кроме того, что он проистекает из невежества, ибо корень его гнездится в таком невежестве, которое очень недалеко ушло от себялюбия. Человек, достигший познания единства жизни во всем существе во Вселенной, не имеет страха. Страх и ненависть погибают одновременно. Человек ведь сам себя не боится. А когда он знает, что составляет единое со всем, что живет на свете, у него не остается ни к чему ни страха, ни ненависти. Набожные люди Востока молятся о том, чтобы им стать не имеющими ни перед чем страха и чтобы ничто перед ними не имело страха.

“Совершенная любовь — ею же изгоняется страх.” Она изгоняет и себялюбие. Человек перестал думать только о себе, а начинает думать уже о других. Вместо того, чтобы

опасаться, как он окажется одиноким и беспомощным в старости, он должен думать только о том, как ему помочь теперь же тем, кто сейчас беден и одинок; и как раз этим забвением самого себя он создаст те условия, вследствие коих в старости будет богат преданными друзьями. С другой стороны человек, копящий деньги “на старость”, может в старании своем к достижению большей их суммы как раз впасть в те условия, при коих заброшенность его в старости может считаться для него обеспеченной. Вдумчивый человек, рассматривающий зависимость между причиной и следствием и ее влиянием на человеческую эволюцию, не может быть сбит с толку глупой идеей, будто увеличивая количество материальных вещей, коими он обладает, он может защитить себя от заслуженной им участи. Он также не будет тратить времени, печалась о том, какие ошибки он мог совершить в прошлом, и какие от этого могут ожидать его неприятности в будущем. Он встретит неизбежное с ясным лицом, он будет размышлять над уроками судьбы, выпадающими на его долю, из самой суровости их он почерпнет мужество и силу спартанцев, и будет радоваться тому, что он окончательно расплатится по счету со своим долгом. Жить же в постоянном страхе перед тем, что может быть впереди — значит увеличивать вес всякой обрушивающейся на нас беды и ослаблять нашу сопротивляемость в тот самый момент, когда она больше всего нужна. Для оккультиста, вполне вступившего в жизнь духа, ничто на земле не имеет значения. Он уже достиг ясного понимания того факта, что развитие его совершается под наблюдением существ высшей разумности, и что все случаи его жизни, как этой, так и будущих, пойдут по определенному плану, выработанному в видах его блага и при том выработанному с большей тщательностью, чем это делается воспитателем для воспитанника, или отцом для сына; что ему не будет дано ненужных уроков, и что он не встретит на пути своем бесполезных переживаний; что хотя не все случаи будут ему понятны в столь широкой программе, которая обнимает собой всю его эволюцию на различных планах Вселенной и о которой он совершенно не имеет представления в своем бодрствующем сознании, он всё же должен быть так же спокоен, как дитя на руках у своей любящей матери. Когда будет вполне усвоен этот взгляд на эволюцию, то человек достигнет состояния высшего, чем храбрость; состояния, которое по праву может назваться бесстрашным.

Это не будет такое состояние, когда требуется напряжение воли, чтобы смочь решительно смотреть в глаза опасности и смерти. Скорее это такое состояние сознания, когда человек, понимая, что ни опасности, ни смерти нет, и что всё направлено к благу души, бесстрашно и безбоязненно взирает на все могущие быть перемены.

*Перевод Е. Ф. Масленникова,
секретаря Владивостокского Теософического Общества, 1922.*